

ВИКТОР СТЕПАНЫЧЕВ

# НАЕМНИК

ПО ПРОЗВИЩУ

ВИКИНГ



Викинг

Виктор Степаньчев  
**По прозвищу Викинг**

«Научная книга»

2006

## **Степанычев В.**

По прозвищу Викинг / В. Степанычев — «Научная книга»,  
2006 — (Викинг)

Викинг умеет многое – стрелять, драться, устраивать засады и ловушки, выживать там, где невозможно выжить. Этому Вадима Беклемишева учили сначала в спецучилище, а потом в горячих точках, разбросанных по всему миру. Новое задание для него – дело чести: в Южной Америке надо найти и покарать убийцу своего друга, русского дипломата, и его семьи. Это убийство – часть какой-то грязной финансовой махинации, затеянной кем-то в Москве и закончившейся в республике Сьерра-Марино. Викинга здесь ждали, и тюрьма на тропическом острове должна была стать его последним пристанищем. Но ведь он умеет многое... Машина уничтожения по имени Викинг начала свою работу. Ничто и никто не сможет остановить ее...

## Содержание

Часть I. За морем синица жила	5
Пролог	5
Глава 1. Возвращение	9
Глава 2. По волнам моей памяти	14
Глава 3. Первая встреча, последняя встреча...	26
Глава 4. Первые знакомства	36
Глава 5. Какие удивительные ночи	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

# Виктор Степанычев

## По прозвищу Викинг

### Часть I. За морем синица жила

#### Пролог

Операция по освобождению заложников закончилась полным провалом. Винить Министерство внутренних дел и Национальную гвардию не стоило – они сделали все, что могли. Но легче от этого никому не стало. В наличии у следственных органов были четыре обугленных до неузнаваемости тела и отсутствие каких-либо улик и версий.

Вызов министра внутренних дел Пабло Вильяса к Президенту не оставлял иллюзий на благополучный исход беседы. Отставка грозила не только ему, но и самому премьер-министру.

Условия террористов, похитивших жену и дочь первого секретаря посольства России в Республике Сьерра-Марино, оригинальностью не отличались. Телефонные звонки в первые двое суток с условиями освобождения из тюрем герильерос – местных повстанцев, позже сменились ожидаемыми требованиями: пять миллионов долларов выкупа и беспрепятственный вылет из страны.

Деньги террористам, согласно их условиям, должен был доставить глава семейства – российский дипломат Валерий Осолов – на автомобильную стоянку у Центрального парка столицы.

Состояние антитеррористических подразделений не вызывало сомнений в их подготовленности и боевом духе, тем более что опыта подобной работы им хватало с избытком. Проклятые левые, отравленные сладкой теорией мирового коммунизма, расслабляться не давали. Каждый из них грезил, что станет героем и легендой, а его портрет будет красоваться рядом с портретом Кастро или пламенного Че Гевары. Пабло Вильяс с огромным удовольствием выполнил бы эти желания досрочно и лично развесил бы придурков на крепких веревках вокруг изображений их кумиров.

Национальная гвардия поднялась по тревоге и перекрыла все магистрали, ведущие в столицу. Мобильные отряды курсировали по улицам по отработанным маршрутам, и в течение минуты минимум два-три экипажа должны были блокировать любую точку города. Агенты наружного наблюдения, пешие и на автомобилях, находились в готовности сопровождения подозреваемых. Улицы и крыши домов контролировались снайперами.

Самолет для террористов был подготовлен и стоял на дальней рулежной полосе аэропорта, оцепленный двойным кольцом полиции и спецподразделений. Естественно, последние были готовы к штурму лайнера и захвату террористов. Ход операции контролировал лично Президент. Пользы от этого было немного, зато нервозности в работу созданного оперативного штаба вносилось достаточно. Бесполезно тратилось время и нервы министра и начальника антитеррористического департамента, возглавляющего штаб, на постоянные доклады главе государства.

Специалисты работали четвертые сутки, однако информация приходила скудная, то есть ее практически не было. Семья российского дипломата была похищена двумя неизвестными, по описаниям – местными жителями, при выходе из супермаркета и увезена на такси. Старенький желтый «Форд» 1984 года выпуска, украденный за два дня до этого, нашли бро-

шенным в четырех кварталах от места похищения. Дактилоскопическая экспертиза обнаружила в машине отпечатки пальцев доброй сотни людей и ничего положительного не принесла. Телефонные звонки террористов засекались, но контроль за каждым уличным таксофоном установить было невозможно, а пеленгуемые сигналы с мобильного свидетельствовали, что разговоры ведутся из автомобиля во время движения. Сам телефон был зарегистрирован в компании сотовой связи по утерянному два года назад паспорту.

Информаторы не могли дать никаких достоверных сведений о принадлежности группировки похитителей к какому-либо известному повстанческому движению. Само название «Бригады свободы» впервые всплыло на криминально-политическом горизонте Сьерра-Марино.

Операция пока развивалась по сценарию террористов. И приходилось признать, что этот сценарий писала грамотная рука. Ни одного прокола, ни единой серьезной зацепки оперативникам обнаружить не удавалось. Оставалось лишь одно: идти на все требования похитителей, а победитель пусть определится в финале. Риск был велик, однако счет проведения подобных операций с большим перевесом складывался в пользу государственных органов.

Утром 28 апреля в квартире Валерия Осколова раздался телефонный звонок.

Неизвестный потребовал, чтобы хозяин приехал с деньгами к Центральному парку в три часа пополудни, поставил автомобиль на стоянку и сидел в нем. В машине, кроме Осколова, никого не должно было находиться. Деньги в крупных купюрах требовалось упаковать в равных долях в два холщовых мешка и положить в багажник. Самолет по требованию террористов должен был готов к вылету в шестнадцать часов.

Инструктаж Валерия Осколова проводил лично начальник антитеррористического департамента полковник Алессандро Руэнтос. Это была легендарная личность в Сьерра-Марино. Почти двухметрового роста, мощный и громкоголосый, с плавной походкой леопарда, сорокачетырехлетний офицер из местного старинного аристократического рода окончил в свое время Вест-Пойнт и специальную школу армейской разведки в Штатах.

При упоминании его имени лидеры герильерос мгновенно впадали в истерику и бились в падучей. Руэнтос попортил им столько нервов, а еще больше крови, что они в бессильной злобе примерно два раза в месяц с тупой монотонностью готовили на него покушения. Однако постоянное пребывание начеку, серьезная охрана и регулярные сведения от информаторов помогали полковнику избегать печального конца.

Руэнтос четвертые сутки находился в гневе, что с ним случалось очень редко, и этот гнев объяснялся двумя причинами. Первая: отсутствие какой-либо информации о террористах. Появившаяся неизвестно откуда организация «Бригады свободы» воспринималась полковником примерно так, как бык-производитель воспринимал бы в своем стаде чужака, который уже оприходовал его любимую телку со звездочкой во лбу.

Вторая причина: контроль за операцией со стороны Президента.

Трату времени на доклады ему самому и министру внутренних дел Вильясу, почтительное выслушивание глубокомысленно-бесполезных советов и накаток Руэнтоса выводили из себя. Пользы от них – как от проповеди пьяного священника обкуренной проститутке. Ни тот, ни другая не слышат и не понимают, чего они хотят друг от друга. Слава Иисусу, хоть этот русский дипломат вел себя так, как подобает мужчине. Конечно, трудно за несколько часов подготовить бойца антитеррористического отряда, волкодава, подобного питомцам полковника. Однако признаков неврастения со стороны сеньора Валери не наблюдалось.

Бронежилет подогнали по фигуре дипломата. Свободная рубашка и ветровка неплохо маскировали его. Миниатюрный радиомаяк тщательно проверили, запаковали на всякий случай во влагонепроницаемую пленку и закрепили сзади на поясе. «Жучки»-микрофоны прикрепили на ветровку и воротник рубашки. Машину также нашпиговали прослушивающей аппаратурой и всевозможными маячками.

Основными тезисами инструктажа были: во-первых, никакой инициативы со стороны сеньора дипломата и полное подчинение всем требованиям похитителей; во-вторых: еще раз! – никакой инициативы. Осолов сосредоточенно и хмуро выслушивал все наставления полковника, но было видно, что мыслями и чувствами он далеко отсюда – рядом с женой и дочерью.

Руэнтос был далек от мысли, что передача денег в обмен на заложников состоится в точке randevu у Центрального парка, и готовился к слежке за дальнейшими передвижениями автомобиля дипломата. Переброска из машины в машину на автостоянке или какой-либо другой способ передачи денег в столь неудобном месте – этого трудно было ожидать от таких похитителей. Группы слежения в городе были приведены в полную готовность. Два полицейских вертолета с прогретыми двигателями готовы были в любую минуту подняться с аэродрома.

Вся ответственность за принятие решения о финальной акции операции лежала на полковнике Руэнтосе. Только он должен был определить время и место захвата или штурма в зависимости от обстановки. Это был серьезный и ответственный момент, так как цена решения измерялась жизнями людей.

Операция началась. Ровно в 14.40 Валерий Осолов сел в автомобиль и тронулся от дома по направлению к центру города. Деньги в холщовых мешках уже лежали в багажнике. В 14.53 машина запарковалась на автостоянке у парка. Видеокамеры в двух ракурсах показывали площадку и все подъезды к ней.

В 15.01 раздался звонок по мобильному телефону, тут же переданный на динамики в штабе операции. Спокойный, звучавший несколько глухо мужской голос осведомился о наличии требуемых денег и приказал Осолову переехать к железнодорожному вокзалу.

Полковник Руэнтос дал команду срочно подготовиться к встрече и заблокировать привокзальную площадь. Через три минуты прошли доклады о готовности служб наружного наблюдения, а еще через пару минут потухший экран монитора ожил и стала видна панорама вокзала.

В 15.09 показался автомобиль дипломата, он медленно подъехал к левому выходу на перрон. Полковник нервно дал команду всем постам усилить наблюдение. Повод для беспокойства был серьезный. По расписанию в 15.10 приходил скорый поезд из Альканте. Встречающих и пассажиров было более чем достаточно, что позволяло в суматохе организовать нештатную ситуацию. По докладам службы наблюдения, на перроне, в здании вокзала и вокруг него находилось семьдесят-восемьдесят человек встречающих и железнодорожных служащих.

Наблюдающие напряглись – к машине приблизился невысокий юнец в потертых полотняных брюках и мятой рубашке явно с чужого плеча. Полковник жестом дал знак усилить громкость в динамиках. Прозвучавший далее диалог разочаровал своей банальностью. Попрошайка с его просьбой выдачи на бедность мелкой наличности был отослан дипломатом доходчивыми выражениями местного диалекта к своим предкам по материнской линии. Тинейджер этому не очень удивился и, показав гринго средний палец правой руки, степенно и лениво побрел дальше. Прочла команда – и парня незаметно задержали, хотя было и так ясно, что это пустышка.

Экспресс подошел к перрону с опозданием на две минуты. Все напряглись, и в это время раздался оглушительно прозвучавший в динамиках звонок мобильного телефона. Знакомый глуховатый голос назвал адрес: авенида Дьос и номер дома в старом районе города. Задача усложнялась. Можно было быстро заблокировать квартал, но подготовить видеоаппаратуру становилось проблематично.

Отдав команду на срочное перемещение, Руэнтос провел рукой по лбу и заметил, что не только лоб, но и все его тело покрылось испариной. Рядом раздавалось громкое сопение. Скосив глаза, полковник посмотрел на министра Вильяса, тупо и внимательно тарачившегося в темный экран монитора, как будто там что-то можно было рассмотреть. Он открыл рот и хотел привести министра в чувство, но в это время пошли доклады наружки о движении автомобиля Осолова и занятии позиций группами захвата. Опоздывало только видеонаблюдение.

В 15.27 поступил доклад, что автомобиль Осколова въехал в квартал и медленно движется по пыльной улочке к указанному террористами дому. Полковник потребовал срочное описание строения и, сделав зверское лицо, показал крепко сжатый кулак старшему видеоинженеру. Тот растерянно пожал плечами и начал что-то быстро лопотать по переговорному устройству. Устные доклады шли один за другим.

15.28 – машина остановилась около дома – одноэтажного строения из белого известняка, выходящего на улицу двумя небольшими окнами, закрытыми деревянными ставнями. Металлическая калитка вела во двор. Забор был густо обвит виноградными лозами.

15.31 – группы захвата доложили о занятии позиции по углам квартала и готовности к проведению штурма.

15.32 – из калитки появился невысокий, коренастый, по виду – лет тридцати пяти мужчина и подошел к машине. Из динамиков донеслось:

- Вы привезли то, что у вас требовали?
- Да. Как вы и говорили. Все находится в багажнике.
- Давайте ключ.
- Где мои жена и дочь? Сначала я хочу их увидеть.
- Они в доме, ждут вас.
- Я должен убедиться, что они живы, и только тогда отдам вам деньги.
- Пожалуйста. Если вы так настоятельно этого требуете, следуйте за мной.

15.34 – Осолов вышел из машины и вместе с мужчиной направился через калитку в дом.

15.35 – связь резко прервалась. Из динамиков доносился только фоновый шум.

Счет пошел на секунды. Оглянувшись, полковник наткнулся взглядом на умоляющие глаза министра Вильяса. Отрицательно покачав головой, Руэнтос повернулся к видеоинженеру, и в это время включился монитор. Залитая солнцем пустынная улица; метрах в ста пятидесяти от камеры – одиноко стоящий автомобиль дипломата.

15.38 – из дома появился тот же коренастый мужчина, не спеша подошел к машине, открыл багажник, вытащил мешки с деньгами и направился к калитке. Из этого следовало, что Осолов встретился с женой и дочерью.

15.39 – Руэнтос дал сигнал готовности к захвату.

15.40 – команда на штурм. Появился фургон, на большой скорости летящий с дальнего конца улицы. Такой же фургон пронесся навстречу ему мимо телекамеры.

Ослепительный взрыв... Обе машины резко затормозили, не доехав каждая метров пятьдесят до объекта. Обломки кирпича и горящих досок разлетались по улице, падали на соседние дома и остановившиеся автомобили. Черный дым столбом взметнулся над деревьями...

## Глава 1. Возвращение

Лайнер резко накренился на левое крыло, а затем выровнялся. Качнуло еще раз, но уже более плавно. Пассажир в девятом ряду на секунду поднял веки и взглянул в иллюминатор.

Самолет менял курс. Вадим закрыл глаза и попытался задремать, но это ему так и не удалось сделать. Курс лайнера изменился, и сквозь стекло начали просачиваться косые солнечные лучи. Щеке стало тепло, несколько щекотно, и сон стал медленно уходить. Вадим нарочно постарался как можно дольше удержать это состояние на границе забытья и реальности.

Пришли на память слова Мао – инструктора курса выживания:

– Ваш отдых и восстановление организма – тоже оружие.

Они в тот момент лежали по горло в вонючей грязи после суток усердного ползания по ней же и проклинали инструктора, тренировку, отдел и заодно самих себя. Кличка Мао, несмотря на исконно славянскую внешность, пристала к Сергею за то, что он практически любые наставления и советы облекал в форму цитат. Сначала было смешно, потом грустно, а в конце концов неоднократно повторяемые фразы начинали всех раздражать. Однако в реальной обстановке почему-то его слова всплывали из глубин памяти и оказывались как нельзя кстати.

О педантичности Мао в центре подготовки ходили легенды. Одна из любимых его фраз: «Инструкции вам сохраняют жизнь», исполнялась им неукоснительно даже в семье. Если жена покупала какой-либо бытовой прибор или кухонную утварь, то благоверный допускал ее к эксплуатации кастрюли только после того, как сам, внимательнейшим образом изучив инструкцию по работе с агрегатом, включая рецепты приготовления голубцов и борщей, рассказывал, заставляя подробно повторять за собой, правила пользования оной принадлежностью. И только после этого вышеперечисленные борщи и голубцы имели право вариться в данной кастрюле.

Но, к чести его жены Марины, на качество приготовления пищи и нежность к своему педантичному мужу инструктажи влияния не оказывали. Более счастливой семьи Вадим не встречал и таких вкусных украинских борщей не пробовал никогда в жизни.

Марина, всегда хлебосольно встречавшая друзей мужа, особенно ласково относилась к холостому Вадиму. После похвал в адрес свой, пищи на столе и утоления мужчинами первого голода она приступала к животрепещущему вопросу немедленного поиска невесты для своего гостя. Гость только отшучивался тем, что он обретет ее тогда, когда его накормят таким же вкусным борщом. Марина, рассердившись, предлагала в спутницы жизни свою бабушку, у которой научилась готовить.

А о секрете борща Марина говорила, что все очень просто – самое главное, чтобы количество компонентов в нем было не менее девяти исключая воду, соль и перец. Вадим пытался представить, что же можно натолкать в кастрюлю, но его фантазии не могли перешагнуть число шесть, и он признавался, что женщины всегда более изобретательны по сравнению с мужчинами в кулинарии, в хозяйстве и вообще – более умны.

После такого признания беседа окончательно приходила к выводу о необходимости немедленного соединения неухоженного и бестолкового индивидуума мужского пола в лице присутствующего гостя с умным и заботливым лицом прекрасной и, как точно заметил Вадим, умной половины человечества. Причем лишь с одной благородной целью: спасением от нравственного и физического прозябания, увядания и вообще никчемного существования на нашей суровой и грешной земле.

Вадим смеялся, а Сергей Мао молчал и довольно ухмылялся, вставляя изредка для подогрева реплики о вреде и пользе семейной жизни.

Но Сергей мог быть и другим – жестоким, распаленным, плюющим на все инструкции и запреты. Однажды вдвоем они вышли на лагерь наших специалистов в Кулунде и увидели растерзанные тела женщин и распятых на деревьях детей. Вопреки всем инструкциям и планам

трое суток длилась погоня, и только трупы огрызавшихся как шакалы «повстанцев» вежами оставались гнить в саванне. Не было произнесено ни единого слова. Они превратились в автоматы для убийств. Только жесты и взгляды. Тогда Вадим испытал потрясение, впервые приняв участие в казни женщины, если можно ее так назвать, которая являлась руководителем банды.

На третьи сутки, на рассвете, Мао и Вадим блокировали остатки группы в хижине, спрятанной в небольшой рощице. Редкие акации окружали уют измотанных погоней бандитов. Невысокая трава не давала достаточного укрытия и маскировки, но предрасветные сумерки позволили подобраться близко к объекту. Охрана хижины была организована на удивление грамотно. Часовые располагались по системе W: четверо по периметру, один в середине, контролируя в движении остальных. По расчетам преследователей, в хижине находилось еще трое бандитов.

Времени на раздумья не было – скоро станет светло и трава уже не спасет и не спрячет. Мао протянул руку и, мягко вдавливая пальцы в предплечье Вадима, показал порядок их дальнейших действий. Диспозиция была вполне понятна. Начало – тихая «карусель» по часовой стрелке, затем «радуга» и штурм. Две тени бесшумно скользнули по траве и скрылись в противоположных направлениях.

Вадим занял позицию и ждал сигнала. Темная фигура охранника четко просматривалась метрах в тридцати от него на фоне начинающего сереть неба. Просыпающиеся птицы пробовали голоса. В этот негромкий пересвист влилась еще одна не нарушающая утреннюю гармонию мелодичная трель. Вадим лежа резким движением метнул звездочку-сюрикен и сразу начал перемещение к другому объекту. Он не видел результата своего броска, но шум падающего тела и стук автомата о землю подтвердили, что он достиг цели.

С крыльца хижины раздался громкий окрик. Второй часовой повернулся на раздавшиеся звуки, удобно подставив себя под метательный нож. Его тело начало медленно оседать, и в это время рядом с домом расцвел букет всех цветов радуги. Вадим среагировал, крепко зажмурив глаза, но и через закрытые веки ощутил последовавшую за разноцветными переливами ослепительную вспышку светового гранаты.

Он вскочил на ноги и зигзагами кинулся к хижине, ориентируясь пока только по памяти, так как зрение еще не полностью адаптировалось после яркой вспышки. Но уже через пару секунд он четко различил на крыльце скорчившуюся фигуру пятого охранника и с ходу всадил в него очередь из автомата.

Одновременно с этим Вадим услышал звук разбившегося стекла с противоположной стороны хижины и резко упал на землю. В падении он заметил краем глаза фигуру, выскочившую из двери и нырнувшую за стоящий пикап. Броском переместившись к машине, Вадим инстинктивно сделал пируэт, спасший его от выпада тонкого лезвия ножа. На полуобороте он ногой пригвоздил руку нападавшего к машине и прикладом нанес молниеносный удар в поясницу. Тело обмякло и, сложившись пополам, упало на землю. Услышав тихий свист, Вадим оглянулся и увидел фигуру Сергея на фоне загоревшейся хижины. Мао подошел, сел на сухую траву и произнес первые за трое суток слова:

– Вот и все... Закончили.

Рядом с ними зашевелилось тело лежавшего, а вернее, как только сейчас стало видно, лежащей – молодой полуобнаженной женщины. Ее лицо скривилось от боли, и глаза открылись. Она сначала с удивлением, а потом с ненавистью посмотрела на сидящих рядом с ней мужчин. Маска неприкрытой злости портила на удивление привлекательную физиономию негритянки. Она что-то резко выкрикнула на местном наречии и попыталась подняться. Мао поднял дуло автомата, и Вадим увидел, как в глазах женщины плеснулся страх.

Она поняла, что никто не собирается ее слушать, говорить с ней, проявлять какие-либо эмоции. Ее будут просто убивать. Губы женщины приоткрылись, но вместо слов из гортани вырвался полупридушенный хрип, прерванный одиночным выстрелом.

Они вызвали эвакуатор. Прилетел Самсон – личность психически уравновешенная сверх нормы и менее всего подверженная любым проявлениям чувств. Он недоуменно переводил взгляд с одного окровавленного и отрешенного лица на другое и лишь периодически повторял: – Ну, блин, ребята, вы и даете!

А потом были объяснительные записки, разбирательства и беседы на всех уровнях. Их эмоциональный всплеск пришелся нехстати для внутренней политики очередного правительства Кулунды, так как в это время шло заигрывание с партизанами. Вадиму, в то время еще молодому – это была фактически его вторая боевая операция, – досталось меньше. Зато Мао получил по полной программе и от своих, конторских, так как задача их двойки была несколько иная, и от чужих – посольских и москвичей.

Со своими обошлось просто. Дед, прилетевший на разборки вместе с функционерами, рвал и метал. Потом, внимательно выслушав подробности похода, подобрел, помягчел, назвал произошедшее попутной тренировкой и начал отмазывать питомцев от суровых москвичей – своих в отделе никогда и никому не сдавали.

Вообще-то и комиссия не смогла особенно напакостить, так как их структура подчинялась другим эшелонам, где выводы чужаков мало чего значили. Тем более москвичи сами толком не знали, с кем идут разборки, и считали, что гражданские спецы ввязались в драчку с местной шпаной. Одной из самых страшных кар, которой им грозили, была отправка на Родину с волчьим билетом и перспективой невыездных. Дед при этом делал зверское лицо, хмурил брови и в знак согласия кивал головой. На что обвиняемые, злостно ухмыляясь про себя, складывали в кармане фиги, но строили при этом трагически-обреченные физиономии.

Конфликт быстро сошел на нет, так как лидер повстанцев отказался от высокого поста в правительстве и борьба с ним возобновилась с новой силой и жестокостью. Комиссия уехала, удовлетворенная своей плодотворной работой на поприще развития дружеских отношений с развивающейся страной. А специалисты по экологическим проблемам саванн – по такой легенде они работали – за проявленный героизм были награждены местными орденами, которые пошли в коллекцию Доктора. Носить их было все равно нельзя, так как Мао и Вадим находились в Кулунде под чужими фамилиями, да и само правительство сместили где-то через год, и кулундийские ордена с петушиными лентами стали недействительны. А Доктор выставил им за это коллекционный коньяк, упаковку чешского пива и вкуснейший вяленый, истекающий жиром рыбец, привезенный им после отпуска из родного Ростова.

Эти воспоминания окончательно прогнали сон. Вадим еще раз посмотрел в иллюминатор. Внизу было море, и самолет как будто недвижимо висел над бесконечным серо-голубым пространством. Правда, на горизонте уже намечалась темная полоска суши. Салон бизнес-класса отдыхал после ночной утомительной загрузки в аэропорту Дамаска. Звук глухо работающих двигателей оставался где-то позади. Чуть слышно в конце салона плакал грудной ребенок, и мать негромко напевала и уговаривала его успокоиться. Судя по негромким отрывкам фраз, это был один из диалектов пушту.

Сирийских пограничников и таможенников менее всего интересовала твоя национальность и внешность. Будь ты хоть инопланетянином в зеленую клеточку, они вряд ли этому удивились бы. Языковой барьер преодолевался эмоциональными жестами, мимикой и даже телодвижениями. Но при этом проверка документов и досмотр производились весьма качественно, хотя и достигались не столько профессионализмом, сколько массовостью участвующего в проверке персонала.

Иорданский бизнесмен, прекрасно говорящий по-английски и совершающий вояж в Европу, не вызвал особых подозрений у пограничника в фуражке с лихо заломленной тульей и двух таможенников. Паспорт, пестреющий визами всего Ближнего Востока и европейских стран, вызывал если не уважение, то хотя бы лояльное отношение к его владельцу. Документ

действительно был изготовлен с высоким качеством, а его владелец никогда не сомневался в профессионализме своей конторы, потому что сам был профессионалом высшего класса.

Полет от Дамаска до венского аэропорта Швехат прошел рутинно, по большей части – в полудреме. Столица Австрии встретила его ароматом сирени, сочными листьями на деревьях, роскошными клумбами и спокойствием.

«Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай тот цветущий, тот поющий, яркий май...»

Вряд ли помнят. Какой-то классик верно сказал, что война становится историей, когда перестает быть болью. Для Австрии процесс перехода Второй мировой в качество временной характеристики произошел быстро и безболезненно, став главой в учебниках истории.

Чистые улицы и скверы умиротворяли и расслабляли, однако времени на отдых и расслабление не было. Такси из аэропорта доставило Вадима почти к центру австрийской столицы, на бульвар Ринг. Он расплатился и дальше пошел пешком, вдыхая свежий весенний воздух. Нехитрый багаж покоился в ячейке камеры хранения на аэровокзале.

Выйдя на Мариахильферштрассе, посетив несколько магазинов и убедившись для порядка в отсутствии слежки, Вадим свернул на узкую мощеную улочку, на которой с трудом могли разъехаться две машины. Двухэтажный дом с мансардой, крытый красной черепицей, казалось, сошел с яркой рождественской открытки. Маленький магазинчик на первом этаже с традиционным колокольчиком над входной дверью радовал глаз многоцветьем товара и приветливой улыбкой опрятной пожилой продавщицы.

Иорданский бизнесмен зашел в него, а через некоторое время опять появился на улице. Правда, к Иордании он уже не имел никакого отношения. Гражданин Украины Середниченко Николай Павлович, предприниматель из Черкасс, забрал на автостоянке у супермаркета «Ауди-80» с украинскими номерами, багажом с личными вещами и сувенирами и отправился в путь в родные края.

Правда, добрался он лишь до Праги, где превратился в российского подданного Данилевского Игоря Юрьевича, уроженца Твери, постоянно проживающего там же. А от Праги до Москвы – рукой подать, если лететь на самолете.

Купив в киоске «Таймс» и «Вашингтон пост», чтобы почитать в самолете, Вадим до объявления посадки на рейс бесцельно бродил по аэропорту.

Мысленно вернувшись к событиям двухдневной давности, он еще раз удивился произошедшему. Срочный отзыв, больше похожий на эвакуацию, не укладывался в обычные рамки. Подготовка к операции заняла почти полгода. Хотя самого Викинга ввели в действие три месяца назад, основная тяжесть лежала на его плечах. Исчезновение иорданского бизнесмена, эмиссара крупнейшего на Ближнем Востоке торговца оружием Котильянца, ставило под удар группу, включая и часть агентурной сети.

Нельзя сказать, что время и труд были потрачены зря. Получено достаточно информации о финансировании и путях доставки оружия на Северный Кавказ. Однако без дальнейшего участия Вадима завершить операцию по уничтожению каналов поставки представлялось невозможным.

Переговоры по продаже средств противовоздушной обороны и в первую очередь «Стингеров», которые успешно вел Вадим под видом иорданца, дали немало разведанных о составе и дислокации подразделений, действующих на территории Чечни. До финальной части операции оставались считанные если не дни, то недели.

И вдруг – приказ на срочный отзыв ключевой фигуры. Такие варианты случались раньше, но, как правило, было время на подготовку и разработку достоверной и достойной версии. Сейчас вывод Вадима из игры походил на бегство. Объяснения этому придумать было трудно, но такова судьба служивого: пункт первый – начальник всегда прав; пункт второй – если начальник не прав, смотри пункт первый.

Иорданец погиб в автомобильной катастрофе, торговые связи оборвались. Все шито белыми нитками.

Без Викинга надежды на успешное окончание операции практически не было. Следовательно, впереди его ждало что-то более важное.

Усевшись в кресло самолета, Вадим ощутил, что дорога свое все-таки взяла. Нервное напряжение двух суток и усталость резко навалились, и, не дожидаясь взлета, он крепко и безмятежно заснул. Проснулся Вадим от переливов храпа соседа. Посмотрев на часы, он понял, что полет проходит уже над территорией России.

Вадим вытянул из сумки и развернул трехдневной давности лондонский «Таймс». Цивилизованный мир жил своей жизнью: партии и блоки боролись за влияние на политических аренах, спад производства сменялся подъемом и обратно, индексы бирж качались маятниками вверх и вниз. Происходила смена правительств и лидеров, народы то там, то здесь против чего-то протестовали и что-то приветствовали. То есть мир жил жизнью напряженной, прекрасной и удивительной.

Перелистнув очередной лист, Вадим ухватил взглядом небольшую заметку внизу полосы и застыл в оцепенении. Голова мгновенно сделалась чугунной и не смогла сразу воспринять того, что он читал в коротком сообщении, а вернее – не захотела это принять. Он почувствовал свое покрывшееся холодным потом тело пустым и невесомым. Потом вдруг все встало на свои места и появилось чувство безысходности и тоскливой растерянности, а сердце все сильнее и сильнее начали сдавливать тиски горя. Вадим понял, что не может дышать и все его попытки сделать это ни к чему не приводят. То, что было написано в этой заметке, не имело права на существование. В противном случае сам мир должен был взорваться, рухнуть и уже разрушится в сознании одного человека – его самого.

С газетного листа на него смотрели те, ближе кого у Викинга не было, – Валерий, Татьяна и Иринка. Информация была скупой и беспристрастной. Похищение в Сьерра-Марино террористами жены и дочери российского дипломата, требование выкупа, взрыв дома, трупы заложников... Следствие ведется. Ответственность за все на себя взяла ранее неизвестная политическая группировка. Осуждение терроризма мировой общественностью... Точка.

## Глава 2. По волнам моей памяти

В Шереметьеве его встречали. «Ниссан» шустро по Ленинградке и Народного Ополчения домчал до Мневников и высадил около кирпичной девятиэтажки с редкими светящимися квадратами окон. На двери подъезда стоял кодовый замок. За время отсутствия Вадима его очередной раз сломали, отремонтировали и поставили новый код. Время было позднее, шел первый час ночи, поэтому нетрудно было догадаться, что ждать придется долго, пока кто-то выйдет из подъезда или захочет в него войти. Вадим достал сигарету и закурил.

Ему было безразлично, что он не может попасть в подъезд, в квартиру, что на дворе ночь, а за спиной почти трое суток тяжелой дороги. В голове зияла черная дыра, через которую уплывали все появлявшиеся мысли. Из машины вышел сопровождавший и подошел к подъезду.

– Какие проблемы, Викинг? – спросил он.

Вадим очнулся, посмотрел на подошедшего и, оглянувшись на дверь подъезда, попросил у него мобильник. Он вспомнил о телефоне соседки, которая присматривала за квартирой в его отсутствие. Галина Андреевна обрадовалась, услышав голос Вадима, сообщила цифры кода и хотела немедленно подойти к нему в квартиру и накормить с дороги горячим. Он вежливо, но твердо отказался, сославшись на усталость, и согласился поужинать у нее завтра вечером.

Прощаясь, сопровождающий напомнил, что в восемь утра машина будет ждать его около подъезда. Квартира встретила Вадима тишиной, спокойствием и порядком. Засыпав кофе в кофеварку, он разделся и принял душ. Душистый и терпкий аромат свежемолотых зерен распространился по комнатам. Достав из секретера пузатую бутылку пятизвездочного «Аралата», Вадим налил рюмку и выпил, подержав, не проглатывая, несколько секунд коньяк во рту. Отхлебнув пару глотков кофе, он лег на диван. Прямо перед глазами на стенке висела фотография – Валерка Осколов и он, Вадим Веклемишев, в курсантской форме, улыбающиеся, стоят обнявшись на фоне деревьев и бревенчатого сруба дачи, проглядывающего сквозь ветви.

Это было их первое увольнение из ВИИЯ – Военного института иностранных языков. Они подружились еще в абитуре. Когда поступающих разбили по взводам, их койки оказались рядом, и тумбочка досталась одна на двоих. Как-то сразу найдя общий язык, ребята вместе готовились к экзаменам. У Валерия было прекрасно поставлено произношение, а Вадим лучше владел правилами и грамматикой. Так, помогая друг другу, они преодолели все рубежи поступления.

Правда, Валерий сразу набрал проходные баллы, а у Вадима сумма оценок из-за сочинения была спорной. Мандатная комиссия оставила решение для таких, как он, на последнее заседание. Вадим был расстроен, и Валерка переживал вместе с ним. Накануне мандатной комиссии, за день, он исчез из казармы часа на полтора, а вернувшись, выглядел довольным и веселым. Он загадочно сообщил, что позвонил «куда надо» и с комиссией будет все нормально.

Вадим не поверил, так как звонить в город им было запрещено. Телефон стоял только в комнате у дежурного офицера, и абитуриентам входить туда не разрешалось. Позже он узнал, что Валерка, рискуя вылететь из института, бегал ради него в самоволку.

Мандатная комиссия прошла без особых проблем, и его зачислили в это престижное заведение. Обстановка прояснилась в день принятия присяги новоиспеченными курсантами. После клятвы и напутственных слов им было разрешено провести остаток дня с родителями, приехавшими на это мероприятие. У Вадима, кроме бабушки, никого не было, а она, старенькая, приехать не смогла. Он некоторое время пошатался по территории института и, когда это ему надоело, вернулся в казарму и сел смотреть телевизор.

Минут через двадцать дневальный передал Вадиму, чтобы он срочно явился в клуб. На втором этаже в уютной комнате с мягкими креслами и самоваром его уже ждали Валерка,

средних лет приятная женщина и мужчина с седыми висками и жестким лицом. Стол был накрыт, и аромат стоял потрясающий.

Мужчина с улыбкой сказал Валерию:

– Ну что, сынок! Знакомь со своим другом. Тем более что он, можно сказать, наш крестник.

Вадим начал официально:

– Курсант... – но мужчина его прервал:

– Это ты начальникам своим будешь представляться, а для нас ты друг нашего сына и такой же детеныш. Меня зовут Николаем Владимировичем, а это мама – Людмила Антоновна. Короче, дядя Коля и тетя Люда.

Валеркина мама прервала мужа:

– Хватит уже знакомств и представлений. Дети голодные, а ты устраиваешь официальный прием. Нам и так прекрасно известно, как его зовут. Садись, Вадим.

Она обняла Вадима за плечи, подвела к столу и усадила в кресло. У Людмилы Антоновны на глазах выступили слезы от созерцания стриженных затылков мальчишек и их волчьего аппетита.

В разговоре неожиданно Вадим понял, что за его поступление хлопотал Николай Владимирович. У него кусок чуть не застрял в горле, когда разобрался, кому звонил Валерка и почему мандатная комиссия прошла без проблем.

Пошли расспросы о семье. Вадиму не очень хотелось рассказывать, в общем-то, чужим людям о себе, но чувство благодарности за неожиданную помощь, за ту домашнюю обстановку и внимание, которые он ощутил, оказавшись рядом с ними, помогли найти слова и рассказать то, что никто посторонний раньше не слышал. История недолгой жизни была не совсем стандартной, но каждый человек воспринимает свои потери глубже, чем окружающие, и кажется, что произошедшее с ним или близкими более трагично.

Мама Вадима после школы, оконченной с золотой медалью в небольшом волжском городе, поехала в Москву и поступила в Губкинский институт. В те годы романтика профессии геологов и нефтяников была на высоте, а дискуссия о физиках и лириках еще воспринималась молодежью серьезно.

На втором курсе девушка встретила на студенческом вечере веселого и кудрявого Санчеса из института Патриса Лумумбы. Их роман был напоен московской весной и ароматом сирени. Расставаясь перед летней практикой и каникулами, они сжимали друг друга в объятиях и клялись в вечной любви. Уже в Тюмени, в стройотряде, Ася поняла, что ждет ребенка.

Родители временно оставались в неведении. Возвратившись в сентябре в Москву, она узнала, что Санчес уже не вернется после каникул в институт – пришло официальное письмо от его отца. Ася думала, что не переживет этого удара. Очень скоро скрывать беременность стало невозможно, и она, оформив академический отпуск, вернулась к родителям. Когда родился Вадим – смуглый, с волнистыми черными волосиками, ему дали отчество Александрович. Все похоже на Санчеса...

В институт Ася уже не вернулась. Окончила курсы и долгое время работала бухгалтером в системе потребкооперации. Замуж так и не вышла, хотя была привлекательной и миловидной женщиной, – посвятила себя полностью воспитанию сына. Умерла она скоротечно, когда Вадиму исполнилось пятнадцать лет. Дед скончался еще раньше, года через четыре после рождения Вадима, так и не простив дочь за ветреность и легкомыслие, как он это называл. Так что последние два года перед поступлением в институт он жил с бабушкой на ее небольшую пенсию.

Языком увлекся случайно. Соседка, бывший преподаватель местного пединститута, подруга его бабушки, после смерти мамы стала чаще бывать у них дома и увлекла Вадима

английским. В то трудное для него время нужна была какая-то отдушина. Вечерние уроки, да еще спорт вывели Вадима из тягостного состояния.

А в спорте он не отдавал предпочтения определенному виду. Ему были интересны бокс и легкая атлетика, вольная борьба и самбо. Причем везде он добивался серьезных успехов, и тренеры прочили пареньку блестящую спортивную карьеру, но заниматься чем-то одним Вадиму было скучно. В нем гармонично сочетались природная гибкость и недюжинная сила. То, к чему другие шли через упорные тренировки, ему покорялось без особых усилий. Может быть, поэтому и интерес к занятиям пропал довольно быстро. После окончания школы выбор был прост и ясен – военный переводчик. Почему именно военный, Вадим и сам объяснить не мог. Среди родственников не было никого, связанного с кадровой службой в армии. Дед, правда, воевал. В шкатулке лежали его медали «За отвагу», «За победу над Германией», да еще пара юбилейных. Внуку рассказать о войне не успел, тот еще мал был. Факультет иностранных языков в пединституте его не прельщал. Поступать, так только в ВИИЯ!

Людмила Антоновна вытирала глаза платком во время рассказа, а после прижала Вадима к себе и погладила его голову. Николай Владимирович задумчиво и внимательно слушал, словно что-то анализируя. Наша жизнь зависит от случая. Вот и эта, можно сказать случайная, встреча неожиданно определила судьбу самого Вадима и тех, кто был сегодня рядом с ним, хотя никто об этом еще не догадывался...

В первое увольнение, в октябре, Вадим и Валерий пошли вместе. Родители пригласили их на дачу, где жили почти круглый год. Электричка понесла ребят от Москвы. Народу в вагоне, несмотря на субботний день, было немного. Дачный сезон уже закончился, а грибники из-за небывалой жары в этом году остались ни с чем.

На третьей остановке от вокзала, в Филях, в вагон зашла стройная девушка в светлом коротеньком плащике. Она мельком огляделась, прошла вперед по проходу и села через два ряда от ребят. Поправив рукой длинные каштановые волосы, девушка повернулась к окну и стала смотреть на уплывающий перрон.

Вадим получил ощутимый толчок локтем в бок и удивленно повернул голову к соседу. Валерка, радостно улыбаясь, махал рукой, чтобы обратить на себя внимание вошедшей. Девушка повернула голову, недоуменно кинула взгляд в их сторону и отвернулась.

Валерка негромко позвал ее:

– Татьяна!

Девушка с удивлением взглянула на ребят, прищурилась, словно вспоминая что-то, и вдруг ее глаза посветлели, словно в них отразилось солнышко. Она пересела на скамейку напротив них. Валера представил их друг другу. Завязался разговор. Вадим как-то естественно и непринужденно вошел в беседу и скоро сам шутил и смеялся. Валерка и Таня знали друг друга уже лет семь. Дачи их родителей стояли рядом, и каждое лето они проводили время в кругу своих сверстников.

Таня, оказывается, в этом году также поступила в институт – областной педагогический на истфак. Они рассказывали друг другу о первых студенческих впечатлениях, друзьях, строгих преподавателях, вспоминали общих с Валеркой знакомых. Вадим ловил на себе несколько раз заинтересованный взгляд девушки, и это ему было приятно.

Электричка плыла мимо полуоблетевших багряных перелесков и рощ, распаханых в зиму полей и потемневших от мороси домов. В разговорах время в дороге летело незаметно. От станции шли пешком не по асфальту, а напрямую, через лес. Тропинка была усыпана густым ковром облетевших листьев, которые шуршали под ногами. Они подбрасывали листву ногами, обсыпали ею друг друга. В волосах Тани запутался большой желтый, с красными прожилками, листок.

Он оттенял ее каштановые пряди, большие карие глаза и делал девушку еще более привлекательной.

Аккуратный белый домик без вывески, железные ворота, глухой бетонный серый забор, уходящий далеко вправо и влево, удивили Вадима. Оказалось, что это вход на правительственные дачи. Их остановили, проверили документы, позвонили по телефону и только после этого запустили на дачную территорию. Татьяне надо было идти влево от проходной, а ребятам – прямо по асфальтовой дорожке. Они с сожалением расстались, договорившись сегодня еще встретиться.

И встретились, и гуляли по саду, и фотографировались – молодые, веселые и беспечные. Эта фотография потом всегда сопровождала Вадима по жизни как подтверждение самых счастливых часов его жизни.

Когда на следующий день они возвращались из увольнения, Вадим спросил у друга, где работают отцы его и Татьяны. Валера, немного помявшись, ответил, что они оба ответственные работники правительства. Только года через два он узнал, что отец Валерки является одним из руководителей органов безопасности, а родитель Тани – высокопоставленный сотрудник МИДа.

А потом была учеба и редкие дни отдыха. На втором курсе пришло печальное известие о смерти бабушки. Оборвалась последняя ниточка, связывавшая его с прошлой жизнью. Специализация развела друзей по разным группам. Валера перешел на глубокое изучение европейских языков, а Вадима ориентировали на восточные и арабские страны. Но отдыхали они по-прежнему вместе на даче и очень часто вместе с Татьяной...

Вадим проснулся в начале седьмого. Он не помнил, как и когда заснул, да это было и не важно. Тех нескольких часов, что он был в забытии, так как сном это назвать было нельзя, вполне хватило для восстановления сил. Вадим встал и начал приводить в порядок свои дух и тело.

Сначала был дыхательный комплекс для восстановления духа, а потом набор боевых комбинационных упражнений из русских и восточных единоборств для разогрева плоти. Растяжки и блоки сменяли молниеносные выпады, работа рук и ног ускорялась с каждым движением. Хаотическая мельница, с удивительной быстротой передвигавшаяся по комнате, казалось, должна была размолотить в прах все предметы, мебель, встретившиеся на ее пути. Движения сливались в одну невероятно запутанную линию, потом расплетались и становились резкими, тупыми и отрывистыми. Удивительно, но эта варварская пляска не задела и не сдвинула с места ни одной пылинки, если таковую можно было найти после уборки Галины Андреевны.

Вадим чувствовал, что с каждой секундой его силы – духовные и физические – начинают как бы жить своей жизнью. Он, с одной стороны, полностью контролировал себя и одновременно мог видеть со стороны свое тело и давать ему приказы действий, ускорять и замедлять темп и само время. Это подобие транса привилось длительными тренировками, и переходить к нему Вадим умел практически мгновенно, когда это было необходимо. А иногда, по желанию, он приближался к такому состоянию медленно, с каким-то лениво-радостным чувством ожидания движения и, дойдя до верхней точки, срывался в ту же круговерть.

Постепенно перейдя к упражнениям восстановления дыхания, похожим на плавные, но полные силы движения барса, Вадим почувствовал, что к нему возвращается ясность мысли и желание действия. Тягостное чувство свершившегося не ушло. Оно словно спряталось в глубине сознания и сидело там ноющей занозой. Это не было быстро проходящей болью, и Вадим знал, что потеря останется в нем навсегда, но его психика уже жаждала разрешения, разрыва узла произошедшего.

Вадим догадывался, почему его командировка так неожиданно прервалась. Он был профессионалом, и сейчас его эмоции остались в том семнадцатилетнем мальчишке с фотографии на стене, в застывшей навечно улыбке Валерки. В нем просыпался холодный и расчетливый зверь, не подверженный воспоминаниям и чувствам. И звали его – Викинг.

Ровно в семь часов раздался звонок. Вадим, еще потный, накинув на плечи полотенце, пошел открывать дверь. Галина Андреевна в цветастом фланелевом халате до пят стояла на пороге с тарелкой, накрытой белой крахмаленной салфеткой. На Вадима повеял умопомрачительный запах свежеспеченных оладий. Женщина решительно отодвинула в сторону хозяйина, не принимая его нерешительных попыток отказа, и прошла на кухню. Вадим понял, что мужские права попорчены безвозвратно. Быстро с этим смирившись, он закрыл входную дверь и отправился в ванную. Через десять минут, умытый и свежий, Вадим уплетал оладьи, макая их в клубничное варенье, и запивал крепко заваренным чаем.

Во время завтрака Галина Андреевна дала отчет по всем дворовым новостям, а также краткую оценку политической обстановки в стране и мире. Вадим, в ответ, рассказал ей о своей командировке в Мангышлак, где он, инженер-электронщик, производил наладку оборудования буровых станций.

Такая сказка устраивала соседку и вполне оправдывала его частые и длительные отлучки. Правда, сам он с трудом мог представить какую-то электронику на буровых вышках, но главное, что их было много и разбросаны они были по всей стране, а также по необъятному пространству бывшего могучего Союза. Поэтому объяснить появление среди зимы загара на его и так смуглой физиономии можно было очень легко.

Без двух минут восемь Вадим закрыл за собой дверь квартиры. Тот же самый джип стоял около подъезда. До подмосковной базы добирались около часа. Ворота со звездой около стандартного КПП, на табличке которого было написано «Войсковая часть № 2273», пропустили джип без задержек. Метров через триста показались еще одни неприметные ворота темно-серого цвета, уже без звезд. Они автоматически открылись по сигналу с брелока сигнализации водителя. Здесь начинались владения родной конторы.

Кабинет Деда находился на втором этаже за скромной черной дерматиновой дверью. В предбаннике за компьютером сидела секретарь Галина – приятная женщина лет сорока, в свое время ушедшая с оперативной работы из-за тяжелого ранения. Чужих здесь не водилось. Их заведение числилось как отдел боевой подготовки при Управлении внешней разведки. Он чудом, благодаря мыслимым и немыслимым усилиям Деда, уцелел во время бардака перестройки под революционными лозунгами «до основания, а затем...» Спасло только то, что отдел всегда работал автономно от общей системы и у него была своя, независимая и потому мало достижимая для непосвященных структура. Вторым фактором живучести отдела явилось непосредственное подчинение первому заместителю Главного, оставшемуся на своей должности в кадровой круговерти начала девяностых годов. И этим человеком был Николай Владимирович Осолов.

После летней сессии третьего курса Валерий сообщил другу неожиданную новость. Он уходил из военного института. Вадим был в растерянности. Никогда раньше разговор об этом не заходил. Оказалось, что такое решение было принято на состоявшемся накануне семейном совете, а вернее – после беседы с отцом. Было решено, что Валерий дальше будет учиться в МГИМО – институте международных отношений.

После окончания этого престижного вуза перед ним открывались перспективы гораздо более серьезные. Надо было только досдать ряд экзаменов в течение года. А организовать перевод брался Николай Владимирович. Его должность позволяла решить эту более чем серьезную проблему.

Вадиму было немного досадно расставаться с другом, но, с другой стороны, он понимал, что дядя Коля прав. Валерий учился блестяще, и более широкие возможности могли позволить ему найти себе лучшее применение.

То, что было задумано, свершилось. Встречаться они стали реже. Почти каждое увольнение, по выходным, Вадим приезжал на дачу к Осоловым, но Валерий часто был на занятиях в институте или со своими новыми друзьями.

В самом начале четвертого курса на кафедру физвоспитания в ВИИЯ пришел новый преподаватель. Среднего роста, лет сорока, сухой и быстрый, он мог заинтересовать курсантов на своих занятиях. Основная масса знала, что, выйдя из стен института, они будут кадровыми, но полувоенными офицерами. Такой расклад подразумевала сама специфика их профессии. Поэтому к чисто армейским дисциплинам отношение было если не пренебрежительное, то весьма прохладное. Это в полной мере относилось и к физической подготовке, хотя занятия по программе проводились и зачеты успешно сдавались.

Вадиму физическая подготовка давалась легко. У него было врожденное чувство движения, координации и природная сила.

В институте часто проводились соревнования, и он постоянно был капитаном команд курса по боксу и многоборью, всем видам борьбы, плаванию и гимнастике. К нему одно время даже прилепилось прозвище «пятнадцатиборец».

От общей утренней зарядки Вадим был освобожден, так как занимался по своему графику и программе. В любое время года, независимо от погоды, он вставал минут на сорок раньше общего подъема, делал пробежку на восемь-десять километров, а затем – комплекс гимнастических и силовых упражнений на небольшой площадке, находящейся за спортзалом.

В то сентябрьское утро Вадим встретил спортсмена, бегущего ему навстречу. Он узнал Василия Васильевича, нового преподавателя. Тот махнул на ходу рукой – мол, узнал, привет, и они разбежались. Вернувшись на спортплощадку, Вадим опять увидел его. Разминаясь, он с удивлением наблюдал за Васильичем, как потом всегда звал его. Вадим впервые видел необычные плавные движения какого-то незнакомого комплекса упражнений. В то время восточные единоборства типа ушу или кун-фу, а хуже того, приемы русской борьбы – русбоя были практически неизвестны. Знакомство с некоторыми из них было возможно только по фильму Куро-савы «Гений дзюдо» да по подвальным секциям карате, тогда запрещенным.

Вадим делал свой комплекс, искоса поглядывая в сторону Ремизова. А тот, закончив плавные движения, перешел к странной и завораживающей пляске по площадке, нанося удары невидимому противнику и легко уходя от таких же невидимых ответных ударов. На следующее утро повторилось то же самое. Вадим пробовал повторять некоторые движения, но или не видел в них особого смысла в плане физической нагрузки, либо они просто не получались.

Такого с ним раньше не случалось. Он всегда легко познавал азы любого спорта. А тут с виду легкие упражнения не получались. Василий Васильевич несколько раз с едва заметной усмешкой поглядывал в сторону курсанта. На исходе второй недели Вадим не выдержал и обратился за разъяснениями к преподавателю. Тот, выслушав его, загадочно улыбнулся и предложил после ужина прийти в спортзал.

Васильич встретил Вадима в легком спортивном кимоно и борцовках. Он предложил размяться. Они вышли на середину зала. Преподаватель церемонно отвесил поклон, сложив руки перед грудью, на что юноша только растерянно кивнул. В себя Вадим пришел через пару секунд, поняв, что лежит на жестких матах. Он вскочил на ноги и ринулся в атаку, которая закончилась столь же плачевно. После беспорядочного бега за управляющей им рукой Василия Васильевича он неожиданно пошел на сальто, по окончании которого громко шлепнулся на пол. Новые попытки успеха не принесли. Тело словно отказывалось повиноваться Вадиму в то время, когда его партнер играл с ним, как с неразумным и бестолковым щенком. Его наскоки встречали пустоту или сухие, твердые, как стена, блокировки рук и ног соперника.

После очередного броска Василий Васильевич остановился. Вадим, поднявшись на ноги, стоял и тяжело дышал, в то время, как его соперник, вдвое старше юноши, абсолютно не выглядел утомленным.

Преподаватель бросил Вадиму небольшое вафельное полотенце, чтобы он утер пот, сел на маты и показал место напротив себя. Он внимательно посмотрел на Вадима и спросил:

– Ну что, как настроение? Хочешь продолжить?

Вадим в ответ упрямо кивнул головой:

– Хочу!

Василий Васильевич, ненадолго задумавшись, начал говорить.

На удивление, речь пошла не о приемах и движениях. Разговор начался с философских понятий о душе и теле человека, об истории живого на земле и предначертаниях судьбы. Вадим завороченно слушал спокойную речь, и ему было странно слышать ее из уст человека, только недавно прошедшего схватку. Так познакомились учитель и ученик.

Занятия продолжались каждый вечер. Вадим чувствовал, как он меняется не только физически, но и эмоционально и становится другим – не хуже, не лучше, просто другим. Восприятие окружающего становилось более четким и резким. Тело, и ранее ему подчинявшееся без проблем, обретало большую легкость, свободу, словно начинало жить осмысленно и даже, как иногда ему казалось, самостоятельно. За год не прошло ни одной схватки между Васильичем и Вадимом. Не изучалось ни одного боевого или борцовского приема. Только дыхательные и медитирующие упражнения ушу, кунг-фу, правильные, отточенные движения рук и ног, растяжки, навыки выносливости и, как основополагающее, философия существования личности.

Странно, но у Василия Васильевича не было больше ни одного ученика. Жизнь он вел довольно аскетическую. В половине шестого утра – на зарядку вместе с Вадимом, уроки по расписанию, обед в офицерской столовой, вечером до десяти часов ежедневная тренировка вдвоем. Иногда даже казалось, что его основной целью была не преподавательская работа, а именно занятия со своим учеником.

После четвертого курса планировалась пятимесячная войсковая стажировка. Все курсанты ждали ее с нетерпением. С одной стороны, это было первое практическое применение полученных языковых знаний, а с другой – уход от казарменной, как они считали, дисциплины и, главное, первые заграничные командировки.

Все понимали, что эта стажировка определит смысл учебы и конкретизирует отношение к выбранной профессии. Восточники, которых было много на курсе, особо не ломали головы, куда их пошлют. В Афганистане продолжалось интернациональное противостояние, а их в основном и готовили для ограниченного контингента. Правда, были еще Вьетнам, Ливия, Сирия, Йемен, Ирак, куда поставлялась наша техника и работали военные специалисты из Союза. Западники радостно готовились к вояжу в благополучную Европу.

Правда, вспоминали старшекурсников, которые, как правило, после стажировки приезжали странно повзрослевшими и не очень разговорчивыми. А случалось такое, что кто-то и не возвращался доучиваться. Видимо, труд переводяг был не особо сладким не только там, где стреляли, но и в других, с виду совершенно благополучных местах. Уже в июне стала известна разнарядка и начали оформлять служебные паспорта. Несколько человек оставались в Москве, и их практика планировалась в иностранных отделах Генштаба и МИДе, где, словно в противовес, имелись отделы зарубежной армейской тематики.

Вадим получил распределение странное и непонятное, причем, как ему сказал начальник курса, по какому-то спецвызову, в воинскую часть с неизвестной дислокацией. Был только ее номер: в/ч 2273.

Отпуск перед стажировкой пролетел быстро. Съездив в родной город, Вадим сходил на кладбище, где лежали его близкие. Потом зашел к дальнему родственнику дяде Ивану, брату деда, тоже Веклемишеву, последнему, кто еще связывал его с этой фамилией. Потом вернулся и остаток отпуска провел на даче у Осоловых, помогая Людмиле Антоновне по хозяйству, в саду, загорая и купаясь в озере.

Валерия не было, он укатил в стройотряд. Татьяна также проходила практику, но возвращалась на электричке во второй половине дня. С самого начала Вадим был равнодушен к девушке. Встречи и время, проведенное рядом с ней, постепенно усиливали это чувство. Хотя внешне ничего не проявлялось, встретившиеся взгляды и случайные касания были подобны

горячим искрам, проскочившим между ними. Валерий, со своей стороны, не проявлял никаких особых знаков внимания к девушке, да и никаких разговоров между друзьями по поводу их знакомой не происходило. Они обходили, не сговариваясь, эту тему стороной. Вадим считал, что взаимоотношения Валерия и Татьяны были на уровне детской дружбы.

Впервые за четыре года знакомства Вадим и Таня остались вдвоем, и эта ситуация изменила их прежнее общение. В разговорах стало меньше шуток и насмешек. Им было интересно говорить о чем угодно – о кино и живописи, погоде и театре. Их тянуло друг к другу. И за два дня до окончания отпуска, у лесного озера, куда они, гуляя, забрели, Вадим признался Татьяне в любви. Она не ответила ни да, ни нет. Было видно, что девушка очень сильно переживает. Вадим корил себя за вырвавшиеся слова признания.

На следующий день Вадим в обычное время был на станции, но среди сошедших с электрички Татьяны не было. Он дождался еще одной – то же самое. Взволнованный, он примчался на ее дачу и застал там мать девушки. Она сообщила, что Таня позвонила и сказала, что придет только завтра. А завтра был последний день отпуска, и вечером он должен был прибыть в институт.

Встреча и прощание произошли на той же станции. Между электричками, прибывшей и уходящей в Москву, было двенадцать минут. Почти все это время Вадим и Таня простояли на перроне молча. На немой вопрос в его глазах, уже перед самой посадкой в вагон, девушка ответила немного виновато:

– Вадим! Я прошу, давай не будем спешить.

На курсе царил суматоха. Сокурсники готовились к отбытию на стажировку. В разговорах мелькали места назначения: Ливия, Сирия, Ангола, Вьетнам. Спокойнее были западники. Бледнее выглядели курсанты, остающиеся в Союзе. Стажировка даже в престижных Генштабе и МИДе выглядела намного тусклее зарубежной экзотики. Только один Вадим не знал, где пройдет его практика. Правда, эта неизвестность гасилась сумбуром в голове от произошедшего объяснения с Татьяной. Неопределенность гнетом лежала на его душе.

Отъезд Вадима произошел неожиданно быстро и обыденно. Через день, после завтрака, в начале десятого, его вызвали в канцелярию. Начальник курса выдал Вадиму командировочное предписание, денежный и продовольственный аттестаты и представил прибывшего за ним молодого улыбающегося парня в джинсах и легкой светлой рубашке. Забрав свои вещи, Вадим, несколько растерянный, забыв попрощаться с оставшимися сокурсниками, отправился вслед за сопровождающим. За воротами их ждал крытый брезентом «уазик» с армейскими номерами. Парень сел за руль, и они отправились в путь.

Он оказался завзятым балагуром. Анекдоты и смешные истории так и сыпались из него, как из рога изобилия. Рот не закрывался почти все полтора часа, что они находились в дороге. Разница в возрасте у них была небольшая, и разговаривать было легко и свободно. Быстро находились общие темы и интересы. Правда, к концу поездки Вадим обнаружил, что он выложил про себя почти все, что можно выложить, а его сопровождающий не дал ему о себе никакой мало-мальски стоящей информации.

Не запомнил в болтовне даже маршрут движения машины. Потом он узнал, что такой характер поведения именуется «водопадом». На собеседника выливается масса нейтральной информации, отвлекающей его, и одновременно выуживаются необходимые сведения.

Придя в себя, Вадим наконец задал вопрос о конечной точке их путешествия, на что Алексей, так он представился, ответил довольно туманно:

– Место у нас хорошее, тебе понравится. Да вот мы уже и подъезжаем...

Проехав двое ворот, машина остановилась у двухэтажного серого дома рядом с черной «Волгой». Пройдя мимо охранника в форме без знаков различия, но вооруженного автоматом, они поднялись на второй этаж. Сопровождающий оставил Вадима в коридоре и скрылся за дверью, на которой не было никакой таблички.

Минуты через две Алексей появился и пригласил войти. Пройдя через крохотную приемную, стажер очутился в просторном кабинете. За большим столом, на котором не было ничего, кроме тонкой папки из грязно-серого картона, восседал крупный седой мужчина серьезного вида с рубленным волевым лицом. Сбоку в кресле – Вадим не поверил своим глазам – удобно устроился дядя Коля – Николай Владимирович Осолов.

Очередной сюрприз дня окончательно ввел Вадима в ступор. Он стоял посередине кабинета и молчал. Сидящий за столом мужчина сдвинул брови и громко, а голос у него был густой и басистый, спросил:

– Почему не докладываете о прибытии на стажировку?

Вадим опомнился и бодро доложил:

– Курсант Веклемишев для прохождения стажировки прибыл.

Морщины на лице у мужчины разгладились, он открыл папку и стал перелистывать подшитые в ней листы. Потом вопросительно глянул на Николая Владимировича и спросил:

– Докладывать?

Тот отрицательно покачал головой и задал только один вопрос:

– Физическая подготовка как пошла?

Седой, заглянув на последний листок, непонятно и коротко доложил:

– Развитие восемнадцать баллов, прогресс – семь.

Николай Владимирович удивленно хмыкнул:

– Отрадно!

Немного помолчав, Осолов начал говорить:

– Вадим, ты, конечно, удивлен нашей встречей здесь. Я в свое время взял на себя определенную ответственность за твою судьбу и даже назвал своим крестником в наше первое знакомство. За четыре года, что мы с тобой общались, я понял, что не ошибся в тебе. Ты знаешь о профиле моей работы и представляешь, что я занимаюсь серьезными делами. Так вот и наша встреча носит очень серьезный характер для обоих, и в первую очередь для тебя. Сегодня мы должны решить очень важную проблему. От этого решения будет зависеть твоя дальнейшая жизнь. Скажу откровенно, мы почти два года наблюдали за тобой. Более того, мы проверяли тебя и помогали в некоторых вопросах. Сам ты об этом, естественно, не знал и не мог догадываться. Наши наблюдения подтвердили предположения, что ты по своим качествам подходишь нашей конторе, как ее иногда называют. Поэтому и решили пригласить тебя пройти стажировку, а в дальнейшем и работать здесь. Это решение не только мое, но и всех, кто стоит за моей спиной, приглашение целой системы.

Осолов сделал паузу и внимательно посмотрел на Вадима.

– Раскрывать характер будущей работы до того, как ты дашь свое согласие, я не имею права. Более того, ты сразу сейчас можешь отказаться от моего предложения. От этого отказа ничего не изменится ни в наших лично с тобой отношениях, ни в плане твоей дальнейшей учебы или службы. Сегодня же ты вернешься в институт и поедешь на практику в другое место, довольно неплохое, я даже знаю куда. Но если ты согласишься с моим предложением, я могу сказать только одно: легко не будет. Судьба твоя повернется очень круто, но то, чем ты будешь заниматься, принесет огромную пользу нашей Родине. Может возникнуть вопрос, не зря ли потрачены время и силы на изучение иностранных языков. Могу ответить тебе с полной ответственностью: ты успешно окончишь институт, и твои знания будут обязательно востребованы в будущей работе. Как видишь, тебе раскрыто немного, можно сказать, почти ничего, но вспомни еще, что я не совсем чужой человек и плохого пожелать тебе я не могу. А теперь принимай решение. Из этого кабинета ведут две дороги, и, какую выбрать, зависит только от тебя.

Вадим задумался, и в это время две пары глаз внимательно следили за ним. В голове был сплошной сумбур. Тот минимум информации, что был получен, не говорил ни о чем. Нежданная встреча с Николаем Владимировичем в официальной обстановке вносила еще

большую растерянность. От него требовалось принять решение, которое переворачивало хоть и не совсем определенный, но, в общем, понятный жизненный путь. Из немногого сказанного сознание рисовало некоторые картинки, но ответ требовался вполне однозначный. Решение надо было принимать.

Вадим поднял голову:

– Я согласен. Мне трудно судить, о чем идет речь и чем придется заниматься, но вы сами знаете, что в этом я могу советоваться только с вами, Николай Владимирович. А свой совет вы уже высказали. Поэтому я и согласен.

Осколов в ответ улыбнулся, обращаясь к мужчине за столом:

– Видишь, Петрович, я в нем не ошибся. Принимай пополнение. А мне уже пора выезжать, спешу. – Он встал с кресла, пожал руку седому.

Повернувшись к Вадиму, он крепко сжал его ладонь и добавил:

– Успехов тебе, сынок.

Дверь за ним закрылась, и в кабинете воцарилась тишина. Молчал седой, думая о чем-то своем. Сидел тихо и курсант Веклемишев, переживая случившееся. Будущее рисовалось ему туманным и совершенно непостижимым.

Седой откашлялся, взял со стола папку, повертел в руках и снова бросил ее назад на стол.

– Для начала давай познакомимся. Меня зовут Оюшминальдом Петровичем. Чтобы не было вопросов, докладываю, что родился я в год спасения челюскинцев и мой родитель, вдохновленный этой эпопеей, в патриотическом маразме назвал меня таким дурацким именем. Расшифровка имени простая: Отто Юльевич Шмидт на льдине. Для простоты звать меня нужно Олегом Петровичем. А так как от моих балбесов все равно это узнаешь, прозвище мое Дед. Место, куда ты попал, называется отделом боевой подготовки при Управлении внешней разведки КГБ. Если говорить более откровенно, это специальное подразделение по проведению боевых операций за рубежом. Еще проще: мы диверсанты. – Лицо Деда начало неожиданно резко краснеть, он схватил трубку телефона и уже почти прорычал Вадиму: – А ежели совсем внимательно присмотреться, то мы банда. Натуральная махновская банда из Гуляйполя...

Нажав кнопку на аппарате, Дед громко проорал в телефон:

– Где группа Терехина?... Ах, они реабилитируются? Квасят они – вторая неделя уже пошла. Совести нет никакой. Мне послезавтра отчет сдавать, а они в дымину... Да мне плевать на их выход из стресса. Лапин со своими за пять дней выходит из любого штопора, а эти разнежились. Как были почти год договорной бандой, так ею и остались. Я вот птенцу здесь сижу объясняю, кто мы такие, и от стыда на старости лет готов сквозь землю провалиться... Еще раз повторяю: плевать. Завтра ровно в десять все должны стоять у меня около кабинета. Если хоть один не «реабилитируется», ты знаешь, о чем я говорю, лично займусь их воспитанием. Они у меня будут... – Дед на секунду задумался, – строевой подготовкой будут заниматься за первым забором.

Мысль эта явно пришлась ему по душе.

– Точно. Строевая подготовка на плацу, причем вместе с салагами. И песня всей группой, так, чтобы рот разевали на ширину приклада: «Несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед...» Они у меня познают радость!

Было видно, что он представил в уме эту картину и она ему чрезвычайно понравилась. Уже более миролюбиво, но не менее грозно Дед сообщил невидимому собеседнику в трубку:

– Ты все понял, милый? Завтра ровно в десять вся банда Терехина стоит перед моим кабинетом в наиприличнейшем виде.

Закончив телефонный разговор, Олег Петрович обратил наконец внимание на стажера. Вадим находился в легком шоке от происходящего.

– Усек, курсант, что детский сад для тебя закончился? – назидательно поднял палец Дед. – Запомни: с сегодняшнего дня ты находишься в серьезной организации и твоя судьба

связана с нами. Мы, в свою очередь, ответственны за тебя. По документам и тому, что нам известно, ты нам подходишь. Остальное будет зависеть от тебя. В первое время главное – работа до пота, до крови. Только так ты сможешь стать профессионалом. Стажировку проходишь у нас. Затем возвращаешься доучиваться в институт. По окончании будешь направлен на спецкурсы – так положено для приходящих в органы безопасности. Основное, чем будешь заниматься в это время, – боевая подготовка, вооружение и, естественно, языки. Твоим куратором будет Василий Васильевич Ремизов – ты его уже знаешь. Да, не удивляйся, именно он. Преподавать к вам в институт послали его мы, чтобы заранее поработать с кандидатом. Кстати, Васильич доволен твоей подготовкой. Он будет тренировать здесь, на базе, продолжит в институте и на спецкурсах, чтобы времени зря не терять. Я думаю, что годика за два мы сделаем из тебя человека. Кстати, я здесь начальник, и звание у меня генерал-майор. Вопросы ко мне есть?

У Вадима, ошалевшего от скоротечности происходящего и обвала информации, пока не появлялось никакого желания задавать вопросы, и он только отрицательно покачал головой.

Дед нажал кнопку на селекторе и вызвал Полянского, того парня, что привез Вадима сюда. Указания были короткие: разместить, поставить на все виды довольствия, обмундировать, отправить на медкомиссию, завтра с утра в работу...

Размещая новичка в уютной комнате гостиничного типа, Алексей хитро поглядывал на него. Потом, не выдержав, спросил:

– Ну, как тебе Дед? Нагрузил?

Вадим кивнул и сам задал вопрос:

– Скажи, а что такое договорная банда?

Алексей наморщил лоб:

– Это ты насчет Терехина спрашиваешь?

– Да. Олег Петрович ругался и обещал их замучить строевой подготовкой.

Алексей ударил себя руками по бедрам и дико захохотал. Вдоволь насмеявшись, он рассказал, что в Афганистане армейцы договариваются с некоторыми главарями моджахедов и вместе воюют против других духов, пользуясь их распрями. Год назад через пакистанские лагеря беженцев группа Терехина проникла на территорию Афганистана и под видом местной договорной банды долбала формирования моджахедов, удерживая целый район на трассе Термез – Кабул. Но потом дорогу взял под свой контроль Ахмад Шах Масуд, а с ним тягаться мелкому подразделению было трудновато, и пришлось срочно уходить. Сейчас они вернулись из командировки и неделю уже отдыхают и расслабляются.

Но Дед, видимо, решил, что хватит расслабухи. И так почти год болтались без его призора, пора и к рукам прибрать. Услышав, что завтра Терехина со своими орлами вызывают на ковер, Алексей опять захохотал и сказал, что на этот концерт надо будет посмотреть.

А потом, посерьезнев, добавил:

– Дед у нас мужик что надо! Других таких нет и не будет. А шумит он по делу, да и для порядка положено.

За прошедшие годы кабинет Деда не претерпел никаких изменений. Да и сам Олег Петрович оставался по-прежнему крепким, громогласным и властным начальником своей непростой вотчины. Он встретил Вадима, встав из-за стола, и обменялся с ним крепким рукопожатием. Немного помолчав, отвел глаза и хмуро сказал:

– Ты, конечно, уже знаешь, что произошло. Приношу свои соболезнования. Больше сказать ничего не могу. Это твои друзья. Понимаю, что у тебя сейчас творится в душе. А с другой стороны, знаю твой характер и полагаю, что успокаивать и отпаивать валерьянкой не нужно. Отозвали тебя именно по этому поводу. Лемешов, думаю, справится без тебя. Задачу по этой операции мы немного упростили, поэтому пускай поварится самостоятельно. Самое плохое то, что Николай Владимирович после случившегося слег. Был обширнейший инсульт. Врачи говорят, что может не выкарабкаться. Сейчас поедешь к нему. Он очень просил. Принято решение

провести расследование по теракту, и проводить его будешь ты. Плохо только, что подготовка идет мимо нас. Разработку и контроль поручили Старикову – ты его знаешь. Насколько я понял, работать будешь по общим каналам. Мне это крайне не нравится, но начальство решило именно так. Если понадобится, поможем – на это рассчитывай. Перед отъездом зайди, уточним кое-какие детали.

Дед подошел к Вадиму и неумело обнял его за плечи. Чего не умели делать в их конторе – так это проявлять чувства и быть сентиментальными.

### Глава 3. Первая встреча, последняя встреча...

Больница стояла в густом дубовом бору километрах в пяти за МКАД. После тщательной проверки на КПП машину пропустили на территорию. Четырехэтажный лечебный корпус появился совсем неожиданно из-за поворота, скрытый понизу густым ухоженным кустарником, а поверху – кронами деревьев. Вадим здесь ранее бывал дважды – приводил в порядок свое здоровье.

Первый раз в девяносто первом после ранения, осложнившегося антисептикой так, что стоял вопрос о потере одной конечности. Но, слава богу, благодаря природному здоровью и великолепным врачам все обошлось благополучно. Второе посещение принесла болезнь Боткина, пойманная им на благодатном Ближнем Востоке и залеченная полевыми и местными средствами. Последствия пришлось ликвидировать уже здесь.

Внизу, в холле, Вадима ждал сухопарый, в толстых роговых очках, представительный мужчина. Это был Станислав Сергеевич Стариков, долгое время работавший референтом у Николая Владимировича. Позже он возглавил аналитический отдел, но практически продолжал непосредственно подчиняться Осколову. Вадим, хотя встречаться и тем более контактировать с ним практически не приходилось, недолюбливал этого типа. Стаж работы Старикова с Николаем Владимировичем позволял предположить, что деловыми качествами Станислав Сергеевич совсем не обделен, а внешний вид не всегда определяет сущность человека.

Стариков поздоровался коротким кивком головы и предложил присесть за столик, стоящий в овальной нише холла. Немного помедлив, он начал говорить:

– Я хочу вас предупредить, что Николай Владимирович очень плох. Эта трагедия нанесла ему такой сильный удар, что врачи опасаются за его жизнь. Я прекрасно знаю, что вы были вхожи в семью Осколовых и являлись другом его сына. По личной просьбе Николая Владимировича руководство приняло решение поручить проведение расследования случившегося вам, хотя специфика вашей основной профессии несколько отличается от предстоящей работы. Мне поручено обеспечить вашу будущую деятельность в оперативном плане и контролировать ее ход. Мы должны встретиться уже сегодня для ознакомления с материалами произошедшего и планом расследования. Я попрошу вас прибыть ко мне в четырнадцать тридцать вот по этому адресу.

Стариков вынул из черной кожаной папки листок размером с визитку и протянул его Вадиму.

– Сейчас вы подниметесь в палату к Николаю Владимировичу. Я очень прошу вас сделать все возможное для того, чтобы как можно меньше волновать его, хотя понимаю, что избежать этого не удастся. Уже четверо суток Николай Владимирович живет произошедшей трагедией, балансируя на грани жизни и смерти, и ждет вас. Лично мое мнение таково, что данный визит расстроит больного еще больше и нанесет вред здоровью, но не выполнить его просьбу мы не в силах. Еще информация для вас: транспорт с телами погибших прибывает сегодня ночью. Похороны назначены на завтра на четырнадцать часов. Я бы вам не рекомендовал там присутствовать, чтобы не афишировать знакомство с погибшими.

Вадим боялся встречи с Николаем Владимировичем и не находил нужных слов, которые можно сказать человеку, потерявшему в своей жизни всех близких и пережившему самое страшное, когда молодые умирают раньше стариков и им уже невозможно видеть свое продолжение в детях и внуках. Вадим прекрасно понимал, единственное, что сейчас он может, это стать Викингом: профессионалом без сердца, души и эмоций.

Реанимационная палата находилась на втором этаже. В небольшой приемной дежурил Паша Панфилов – начальник охраны Николая Владимировича, черный курчавый крепыш. Он был старше Вадима лет на семь. На эту должность к Осколову Паша попал году, наверное, в

девянностом после недолгого пребывания в их отделе. По поводу ухода в охрану ребята говорили, что хорошего специалиста забирают на рутинную должность. Но начальству виднее, да и особых протестов от самого Панфилова не было.

Ввиду специфики своей работы Вадим стал редко видеться с Осколовыми, а после кончины Людмилы Антоновны, сторевшей в одночасье от тяжелой болезни, на даче делать было нечего даже в редкие выходные. Валерий с Татьяной жили и работали за границей. Встречался с ними Вадим не чаще чем раз в три-четыре года, когда отпуск Валерия случайно совпадал с присутствием в Москве Вадима.

Панфилов встретил посетителей с хмурым выражением лица. Скупое проинформировал, что состояние Осколова не изменилось. Кризис продолжается, лечащий врач не дает никаких гарантий благополучного исхода. Свидание должно быть кратким и, по возможности, без излишних волнений для больного. В палату Вадим зашел один – Стариков остался в приемной.

Окна были затемнены жалюзи. Около аппаратуры, спиной к двери, сидел полный мужчина в белом халате и наблюдал бегущие линии на экранах. Провода от приборов паутиной тянулись к кровати и опутывали неподвижно лежащее тело. Вадим почти полтора года не виделся с Осколовым и с трудом узнал его. Короткие седые волосы почти сравнялись по длине со щетиной на подбородке. Темные круги под глазами и сухие руки поверх простыней делали неузнаваемым того Николая Владимировича, которого помнил Вадим. Он подошел поближе и остановился рядом с кроватью.

Веки больного дрогнули, и он медленно открыл глаза. Не произнося ни слова, Осколов смотрел на стоящего перед ним Вадима. Этот беспомощный и горький взгляд, казалось, прожигал насквозь душу. Врач встал от приборов и, взяв стул, поставил его поближе к кровати. Он тихо, почти неслышно, прошептал на ухо Вадиму:

– В вашем распоряжении не более пяти минут, – и вышел из палаты.

Николай Владимирович заговорил глухо и медленно, с трудом произнося слова:

– Вадим, не знаю, почему я еще жив. Они погибли. Я ждал только тебя и не умирал. Прости меня, если я что-то сделал не так, но все время нашего с тобой знакомства я считал тебя моим вторым сыном. А сейчас остался только ты один.

Осколов, прикрыв глаза, замолчал, и Вадим почувствовал то, чего не знал в юности, – на глаза начали наворачиваться слезы. Было странно и непривычно чувствовать это, и только огромным усилием он смог остановить появление соленой влаги.

Николай Владимирович заговорил еле слышно:

– У меня в этом мире остались только ты и моя ненависть. Я просил отозвать тебя лишь для одного: те, кто совершил это, жить не должны. И это можешь сделать только ты. Любой другой не испытывает той же боли, что горит сейчас в тебе и во мне. Расследование смогут провести и другие, но покарать убийц они не решатся. Это не их горе и не их трагедия. Это наше семейное дело, наш с тобой крест, и мы должны внести его на Голгофу. Прошу, умоляю тебя дать мне слово, что мои дети и внучка будут отомщены. Тогда я смогу умереть спокойно...

Вадим, хотя и с трудом воспринимал услышанное, уже знал, что его ответ умирающему может быть только один, другого не дано. Преодолевая комок, застывший в горле, он с трудом выдал из себя:

– Я клянусь, что люди, сделавшие это, умрут, – и сам поверил, что так оно и будет.

По лицу Николая Владимировича прошла едва заметная тень удовлетворения. Он, помолчав немного, сказал:

– У Панфилова я для тебя оставил конверт. В нем находятся некоторые инструкции, которые тебе будут необходимы для совершения того, что мы сегодня решили. После прочтения уничтожь эти бумаги. В них информация, которая будет обеспечением твоей работы. Я еще раз прошу тебя сделать это...

Неожиданно резко раздался писк приборов, к которым тянулись провода от Осколова. Его лицо исказила гримаса боли. В палату влетел толстый доктор. Он мельком глянул на экраны и замахал руками, выпроваживая посетителя. Вадим медленно пошел к двери, оглянувшись последний раз на неподвижное тело, распростертое на больничной кровати.

В приемной сидел один Панфилов. Старикова уже не было. Вадим вопросительно глянул на охранника:

– Николай Владимирович сказал, что ты должен мне передать конверт.

Ему показалось, что Паша вздохнул с облегчением, будто бы избавляясь от чего-то гнетущего. Конверта с собой у него не было, и они договорились, что сегодня вечером Панфилов привезет требуемое к Вадиму домой.

В четырнадцать тридцать звонок разбудил замки серой металлической двери на третьем этаже скромного пятиэтажного дома на Дмитровском шоссе. Молодой человек жестом пригласил Вадима войти и запер за ним запоры. Представления не требовалось, его уже ждали. В комнате за дверью с матовыми стеклами в низком кресле рядом с журнальным столиком сидел Станислав Сергеевич и внимательно просматривал тонкую папку с документами. Судя по скромной обстановке, это была одна из квартир, используемых для конфиденциальных встреч. Вадим знал, что таких мест по Москве немало, и сам бывал в них.

Стариков встал, подвинул Вадиму папку и сам отошел к окну. Документов было немного, часть была получена по факсимильной связи, поэтому качество их было неважное. Несколько официальных сообщений, перевод протоколов местной полиции и не очень ясные фотографии. Вадим внимательно просмотрел все материалы, но не обнаружил в них ничего нового. Свои чувства он спрятал и не проявлял никаких эмоций. Началась работа, которую необходимо выполнить, и она будет выполнена. Вопросы были. Стариков отвечал на них как мог. Аналитики и следователи подняли обширный пласт информации по Сьерра-Марино и по субъектам произошедшего. Однако конкретики не было ни в чем, начиная от целей террористов, кончая отсутствием какой-либо информации об их национальной и прочей принадлежности и реальных фигурах, стоящих за ними. Финал – взрыв в доме, убийство заложников – не поддавался логике, тем более что деньги, предназначенные для выкупа, оставались на месте происшествия и практически все пришли в негодность. По их обгоревшим остаткам определили, что количество и номинал купюр соответствует сумме, заложенной в мешки перед операцией. Вывод напрашивался один: необходимо на месте разбираться во всех деталях произошедшего.

Станислав Сергеевич посвятил Вадима в план предстоящего расследования, составленный в общих чертах по типу сочинения на криминальную тему. Инструктаж по юридическим аспектам предстоящей деятельности провел молодой человек, встречавший гостя. Викинг впервые выезжал за границу практически легально. Единственное, что сделали, – изменили фамилию, правда, не очень сильно, оставив вполне родные имя и отчество. Так Веклемишев стал Веклищевым Вадимом Александровичем, работником следственного отдела Главного управления уголовного розыска, майором милиции. В звании его понизили – уже два года он носил погоны подполковника. Правда, эти самые погоны Вадим не видел на своих плечах еще с курсантских времен.

Был, правда, случай, когда Дед разъярился по поводу очередной вернувшейся группы – она разгромила два ресторана, райотдел милиции, пост ГАИ, угнала «Мерседес» депутата Госдумы с ним вместе и джип, укомплектованный его охраной. Скандал с милицией затерли, рестораны списали на заезжих хулиганов, а депутат и охрана нашлись на второй день в Наро-Фоминске, в местном вытрезвителе, в беспамятном состоянии.

Олег Петрович в расстроенных чувствах объявил, что через двое суток проводит строевой смотр всего личного состава в парадной форме одежды. Паника среди его орлов случилась необыкновенная. Если у кого и оставались отдельные элементы формы, то где-то на уровне

сапог для выхода на рыбалку или еще лейтенантской фуражки, измызганной сыном во время игр в войну.

К утру кризис дошел до критического максимума. Одинокие счастливики, занявшие мундиры у знакомых, боролись с перешиванием погон, петлиц и надраиванием сапог. Остальные находились в глубоком унынии и строили утопические планы своего экипирования. Самое реальное предложение поступило от Самсона: бомбануть Центральный военторг.

К всеобщему облегчению, к полудню прошел отбой предстоящего мероприятия. Разведка донесла, по одной версии, что Дед сам не нашел парадного кителя, а по другой – не смог развесить на этом кителе все свои ордена и медали – места на груди не хватило.

Документы, командировочные, официальные материалы, билеты на дорогу, инструкции по связи и финансированию – все было подготовлено и решено. Самое неприятное Станислав Сергеевич оставил напоследок. Вместе с Вадимом для проведения расследования в Сьерра-Марино летел следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам. Причем Викинг находился в скромном положении подчиненного и помощника в связи с дефицитом кадров и большой загруженностью прокурорских работников. Протесты и отказы категорически не принимались. Возбуждено уголовное дело, и порядок его ведения нарушить возможности не было.

Вадим чертыхался в душе, понимая, что навязываемый спутник будет сковывать его, но поделать ничего не мог. Стариков добавил, что следователь прокуратуры очень опытный работник, но, по их сведениям, находится в опале. Излишнее рвение, проявленное им при расследовании приватизации и хозяйственной деятельности в нефтяном секторе, затронуло определенные круги, которые совсем не стоило беспокоить. Прошла команда перебросить ретивого товарища на другую работу. А тут кстати подвернулось дело о теракте. В итоге довольны остались все, за исключением, может быть, самого следователя.

– Игорь Владимирович, – указал Стариков на молодого человека, – представит вас в аэропорту. Фамилия следователя Ломейко. Я думаю, что вы должны понравиться друг другу, – с непонятной и, как показалось Вадиму, несколько ехидной усмешкой добавил Станислав Сергеевич.

Подошло время прощаться, но Стариков не спешил это делать. Он прошелся по комнате, словно раздумывая о чем-то своем, а потом, остановившись напротив Вадима, без обиняков спросил о содержании разговора в больнице с Николаем Владимировичем.

Запираться смысла не было. С одной стороны, не составляло особого труда догадаться о просьбе Осколова, а с другой – Вадим прекрасно знал возможности конторы, и надеяться, что их разговор остался тайной, бессмысленно. Поэтому, не вдаваясь в подробности, он доложил о просьбе Николая Владимировича.

– Мы, в общем-то, ожидали, что просьба о вашем вызове и поручении расследования будет преследовать подобные цели, – недовольно качнув головой, сказал Стариков. – Да, конечно, воля отца, потерявшего своего сына, священна, и все же мы не всегда можем подчинять дело чувствам, и вам, как профессионалу, это известно. Вы взрослый и разумный человек и должны понимать, что противозаконные действия в чужой стране чреватy уголовным наказанием. Не будем говорить о вашей деятельности в отделе. Вы шли на определенный и оправданный риск и работали заведомо нелегально. Сейчас вы официальный представитель государства, и это диктует форму поведения. От партизанщины необходимо отказаться, она неприемлема в этой ситуации. Мы не сможем помочь, если линия вашего поведения будет включать в себя методы и средства, противоречащие законным действиям. Были мнения не допускать вас к расследованию, но все-таки окончательно принято решение оставить все как есть. Я могу только еще раз попросить вас не проявлять излишней инициативы и строго придерживаться официальных форм ведения следствия.

Вадим слушал и ничего не говорил. Он лишь редко кивал – то ли в знак согласия, то ли демонстрируя вежливое внимание. На том они и расстались.

Ужинал Вадим у Галины Андреевны. Она все же настояла на этом, напомнив вчерашнее обещание. Он ел автоматически, не ощущая вкуса и не вслушиваясь в тарактение хозяйки. Голова была забита информацией прошедшего дня. Посещение Осколова в больнице и разговор с ним лежали гнетом на душе.

Без двух минут девять Вадим вышел из подъезда и достал сигарету. Панфилова еще не было. Со стороны Серебряного Бора тянуло прохладой, сыростью и мягким запахом зацветающей сирени. К дому подъехала «девятка». Фары потухли, из машины вылез Панфилов. Он огляделся по сторонам и увидел стоящего у лавочки Вадима. Паша подошел к нему и достал из кармана пиджака конверт.

– Николай Владимирович просил передать, чтобы ты точно выполнил все, что там написано. Кстати, после твоего посещения ему стало совсем плохо. Доктор ничего не говорит, но, судя по суете, положение Осколова критическое. Сегодня ночью я еду встречать самолет с погибшими. Похороны пройдут завтра в четырнадцать часов на Востряковском кладбище. Родственников, естественно, не будет. Только коллеги Валерия и наши ребята из охраны. Все формальности уже решили. Вскрытия делать не станут. Материалы по делам придут вместе с сопроводительными документами из Сьерра-Марино. Если ко мне вопросов нет, я поехал. Еще нужно найти фотографии на надгробья.

В голосе Панфилова уже не чувствовалось особой скорби, которая присутствовала при утреннем посещении больницы. Он пожал руку Вадиму, сел в машину и благополучно укатил. Психика у Паши была в порядке. Трупов за свою жизнь он повидал в достаточном количестве, а в том, что погибли родственники шефа, личной вины Панфилова не было, поэтому ему оставалось только сочувствовать начальнику, не более.

Зайдя домой, Вадим бросил конверт на стол и пошел на кухню готовить себе кофе. Кофеварка закипела быстро. Налив чашку, Вадим вернулся в комнату и приступил к изучению содержимого пакета. Внутри лежал стандартный лист бумаги. На нем были напечатаны колонки цифр, кодовые слова и названия двух банков. Один находился в Цюрихе, второй в Штутгарте. Ниже нетвердым почерком было написано послание Николая Владимировича ему, Вадиму.

Содержание послания несколько удивило, но, поразмыслив, Вадим вынужден был согласился с инструкциями Осколова.

Николай Владимирович сообщал, что для выполнения задуманного недостаточно одного желания и командировочных сумм.

Необходимо вполне серьезное материальное обеспечение операции. Банковские счета являлись специальными фондами конторы, и Осолов имел право по согласованию с другими посвященными распоряжаться ими. Он сообщал, что получил согласие использовать небольшие денежные средства для предстоящей акции.

Вадим имел право снять с каждого счета по двадцать тысяч долларов с интервалом в пять-семь дней. После каждого перевода он был обязан позвонить по указанному в листке телефону и оставить сообщение на автоответчике. Судя по коду, телефонный номер находился на Кипре. Вариант сообщения не отличался особой оригинальностью и звучал так: Викинг первый (второй) вариант выполнил.

В письме указывалось, что снятие сумм обязательно, а вот отчет по ним при возвращении не нужен. В заключительном предложении повторялась просьба Николая Владимировича выполнить его последнюю просьбу. Слово «последнюю» было подчеркнуто густой линией.

А когда-то все было первым. Его первый день в отделе... Вхождение в новый коллектив всегда проходит непросто. Тот день был наполнен суетой новоселья: размещение, обмундирование в основном спортивной одеждой и летним камуфляжем, сдача документов, беседы

и инструктажи. У Вадима сложилось мнение, что о нем знают практически все. Заместитель Деда, как потом выяснилось, по контрразведке, во время беседы, задавая вопросы, иногда сам помогал ему вспомнить то или иное событие. Психолог также напоминал некоторые эпизоды жизни, которые сам тестируемый давным-давно забыл.

На медосмотре он познакомился с Андрюхой-Доктором. Обычный медицинский кабинет с кушеткой и стеклянным шкафом дополнял крупный блондин чуть старше Вадима, в потертых синих джинсах и майке с цветастой надписью «Scorpions». Он сидел, закинув ноги в кроссовках на стол, углубившись в книгу на английском языке с яркой картинкой на обложке в виде свирепой мужской физиономии и устрашающего вида ножа, с которого падали крупные капли крови.

С сожалением оторвавшись от чтения, парень задумчиво взглянул на Вадима и доверительно сообщил:

– Я сразу понял, что маньяк именно Лярусс. Он еще в самом начале на приеме у Шелли засветился... В общем, давай знакомиться. Я доктор. Зовут меня Андреем.

Он пожал руку Вадиму и достал из ящика стола картонную папку, на которой от руки была сделана надпись красным фломастером «Веклемишев». Перелистнув несколько страниц, Андрей горько вздохнул и захлопнул картонные корки.

– Как всегда: кроме кори и ветрянки, в детстве никто и ничем не страдал и не страдает. На что жалуешься? Могу догадаться – на излишек здоровья и отсутствие постоянного общения с противоположным полом. Я, кстати, Деда уже предупреждал, что скоро свой диплом сожгу в знак протеста против преступной дисквалификации специалиста. Это яркий случай неприкрытого профессионального расизма по отношению ко мне. Можно сказать, полное истребление разума и навыков врача. Набрали бугаев и хотят, чтобы я их лечил. От чего?

Доктор опять схватил папку, открыл ее и с остервенением стал перелистывать.

– Вот смотри: здоров, опять здоров, опять здоров... И так у каждого. Говорила мне мама: специализируйся на педиатра. Сейчас бы сеял разумное и доброе, отдавал свое ласковое сердце и нежные руки на благо здоровья малышей. Нет, хочу только на лечебный, желаю быть только хирургом. Результат налицо: сижу и смотрю на ваши довольные физиономии. Таблетки – и те списываю по истечении срока годности. Все! Сегодня же пишу рапорт и ухожу в «Скорую помощь» – врачом, фельдшером, медбратом. Все равно кем, лишь бы нормально работать.

Запал у Андрея прошел так же быстро, как и начался. Он померил у пациента давление, посмотрел горло и все остальное, что положено проверять при беглом осмотре, и сделал записи в журнале.

Вечером к нему в комнату пришел Василий Васильевич. Вадим сначала хотел обидеться на обман, а потом раздумал, тем более что знакомство в институте и ежедневные занятия построили определенный психологический мостик в их отношениях. Если говорить откровенно, то он был просто рад встрече. Ремизов поздравил Вадима с приходом в отдел, хотя и добавил, что поздравления принимать еще рано, так как он находится только в начале пути и учиться ему предстоит долго, упорно и трудно.

Первый этап на время стажировки будет посвящен определению индивидуальной методики работы с ним и предварительным наметкам профессионального применения. Вадима прогонят по всем предметам без углубленного изучения, хотя говорить о том, что учиться он будет поверхностно, не стоит. С первого дня не будет ни отдыха, ни расслабления. Требования к нему будут предъявляться по самым строгим меркам. Примерно как к щенку: бросили в воду, если выплывешь – будешь жить. И это не от жестокости, а напротив – от милосердия. Жалость сегодня обернется гибелью завтра – твоей или товарища. Они проговорили почти до полуночи, и эта беседа вернула Вадиму душевное равновесие. Обладал Василий Васильевич даром психолога или нет, судить было трудно, но глубокая эмоциональная поддержка и чувство надежности от него точно исходили.

Утром Ремизов встретился с Вадимом, как обычно, на зарядке.

Уже с первых шагов были видны изменения во всем. Нагрузки возросли в несколько раз. Ежедневный кросс на двадцать километров в хорошем темпе, полуторачасовая физическая подготовка до завтрака. Ремизов уже не был добрым учителем физкультуры, а превратился в настоящего тирана. Стрелковая подготовка, занятия языком, тренажерный зал, изучение отечественного и иностранного вооружения, минно-подрывная подготовка, рукопашный бой, средства связи, тактика диверсионно-разведывательных подразделений... И это – только небольшая часть каждодневных занятий. К вечеру Вадим с трудом добирался до кровати и мгновенно забывался до утра в полуобморочном состоянии без снов и грез.

Что такое настоящий рукопашный бой, Васильич показал наглядно в паре с Алексеем Полянским. Несмотря на разницу в годах и на то что Алексей был на голову выше Ремизова и килограммов на десять тяжелее, преимуществ это ему не давало. То, что произошло на глазах зрителя, а им был Вадим, с полной уверенностью нельзя было отнести ни к одному известному виду борьбы. Два барса мягко кружили друг против друга, нанося практически неуловимые глазом удары из любых, порой невероятных позиций. Темп ускорялся с каждой минутой. Вадим не успевал следить за ходом боя, а тем более – предугадать дальнейшее его развитие.

Алексей неожиданно опустился на четвереньки и пошел по залу скачками вокруг Ремизова, напоминая своими движениями обезьяну. Васильич, наоборот, застыл на месте, плавно и медленно двигая руками, словно свивал вокруг себя кокон.

Полянский внезапно закрутился волчком на месте и резко выстрелил всем телом в сторону противника. Однако Васильич без видимой подготовки неожиданно прокрутил сальто, обвив летящий в него живой снаряд, и Полянский, не сумев даже задеть его, проскочил мимо. Мгновенно повернувшись друг к другу, два гибких тела застыли в готовности продолжить схватку. Но Ремизов выпрямился и спокойно, без видимой усталости или одышки сказал Алексею:

– Размялись, а теперь давай-ка поработаем на катанах.

Полянский прошел за фанерную перегородку и вынес два длинных деревянных меча, круглых, с длинными рукоятками и гардами. Бойцы встали в стойки. Алексей, взяв меч одной рукой, начал крутить его, выписывая невообразимые фигуры, словно создавая круговой заслон, и при этом ловко перебрасывал оружие из одной руки в другую. Василий Васильевич, наоборот, спокойно стоял на месте, держа клинок двумя руками строго вертикально перед собой.

Ремизов мелкими шагами начал двигаться к Алексею. Тот, совершив плавный пируэт, переместился влево.

Васильич упорно продолжал преследовать его. Наконец Полянский остановился и, не переставая жонглировать мечом, пошел на сближение с противником. Оказавшись на расстоянии примерно полутора метров, бойцы нанесли друг другу серию молниеносных ударов и опять разошлись.

Новую атаку начал Васильич. Одним длинным прыжком преодолев расстояние до Алексея, он, с разворота нарисовав мечом замысловатую фигуру, вынудил противника перейти в глухую оборону. Удары, казалось, не достигали цели, но Полянский шаг за шагом отступал назад. Вадима более всего удивляло то, что поединок велся без применения каких-либо защитных средств – шлемов или нагрудников. Удары и выпады наносились всерьез, и только мастерство участников боя спасало их от ушибов и ран хоть и деревянным, но все равно грозным оружием. Удары мечей слились в одну нескончаемую и глухую дробь. Инициатива переходила от одного фехтовальщика к другому, и казалось, этому захватывающему зрелищу не будет конца. Но бой прекратился неожиданно резко. Ремизов шагнул назад, опустил катану и поднял левую руку вверх открытой ладонью к противнику.

– На сегодня хватит. Поработай немного с молодым. Кстати, дыхалка у тебя пару раз барахлила. И обрати внимание на темп. Чувствую, обленился ты, Алексей. Ох, обленился... Неделю потренируйся самостоятельно, а после я опять на спарринге проверю. Если не восстановишься, не обессудь, возьмусь за тебя...

Полянский стоял немного смущенный. Вадим не очень понимал после увиденного, о какой лени говорит Васильич. И еще он не верил, что когда-нибудь сам сможет делать то же самое. Чуть позже Ремизов пояснил Вадиму, что Алексей еще не оправился после ранения и поэтому в полную силу работать не мог.

Олег Петрович, прощаясь с Вадимом перед возвращением его в институт, был хоть и немногословен, но, похоже, удовлетворен первыми шагами.

– Я доволен тобой. Умеешь работать. Ждем назад, и думаю, все у нас получится. А ты должен осознать, что уже сегодня являешься одним из нас, и судьбы наши связаны одной нитью.

А еще в самом конце стажировки Вадиму пришло сообщение с приглашением на свадьбу Валерия и Татьяны. Возможности вырваться не было, пришлось ограничиться телеграммой...

В восемь утра Вадим уже был на базе. Олег Петрович, как вчера и договаривались, ждал его. Беседа получилась продолжительной. Информация о разговоре со Стариковым до Деда дошла, и он был очень недоволен тем, что его люди уходят в бесконтрольное плавание. Для него основными вехами любой операции были подготовка, обеспечение и исполнение. В данной ситуации первые две практически выпадали. И предстоящая работа Викинга, по мнению Деда, находилась под угрозой срыва из-за абсолютно дилетантского подхода к делу. Как следствие – возможные неприятности у исполнителя, который явно ставился под удар.

За сутки аналитики отдела смогли подготовить большой объем дополнительной информации по Сьерра-Марино. Часть была общедоступной. Ее Вадим оставил для просмотра в дорогу. Закрытые данные пришлось изучать на месте. Викинг всегда знал, что в его работе самое тяжелое не сама операция, каких бы физических усилий она ни стоила, а именно подготовка к ней. Штудирование материалов, автоматическое запоминание необходимого выматывали иногда сильнее, чем решение практических задач. Но с этим ничего нельзя было поделать. Скрупулезная подготовка на девяносто процентов обеспечивала успех предстоящих действий. Времени было в обрез, поэтому пришлось серьезно потрудиться. Как у актеров вырабатывается профессиональная память, так необходимая для работы информация четко и быстро укладывалась в мозгах Викинга, чтобы в нужный момент ее можно было мгновенно выдернуть и явить на свет.

На прощание Олег Петрович, как всегда, напутствовал Вадима:

– Мне очень не нравится ситуация, в которой ты оказался. Работаешь в одиночку, но помни, что ты наш как был, так и остался. При необходимости помощь окажем. Мы не зря с тобой вместе столько сил потратили и вырастили из щенка настоящего волка, чтобы потом бросить на растерзание. Я тебя знаю – обязательно на рожон полезешь. И не пытайся строить скорбную физиономию. Все вы хоть и считаете себя профессионалами, как были балбесами и разгильдяями, так ими и остались. За вами если не проследишь, обязательно куда-нибудь вляпаетесь. Иди и смотри...

Вадим окончил за Деда:

– ...утонешь – домой не возвращайся!

Олег Петрович гневно замахал руками:

– Вот, точно, мои слова подтверждаются. Никакой серьезности и приличия нет даже в разговоре со старшими. А как оторвутся от соски, совсем неуправляемыми становятся. Все, шагай, чтобы мои глаза тебя не видели. Кстати, машина ждет. На похороны успеешь.

Вадим с благодарностью подумал, что Дед не только умеет ругаться, но заботится и помнит о каждом из них – птенцах гнезда Олегова.

К четырнадцати часам неприметная «пятерка» цвета мокрого асфальта стояла у ограды Востряковского кладбища. Кorteж из двух скорбных автобусов и трех легковых машин неспешно подкатил к воротам. Несколько человек вышли из стоящего микроавтобуса и подошли к подъехавшей колонне. Судя по номерам, на нем приехали сотрудники МИДа, коллеги Валерия. Процессия проследовала внутрь.

Вадим через несколько минут окольным путем приблизился к месту захоронения и встал поодаль, за густым кустарником, на котором между ярко-зеленых листьев с трудом проклевывались мелкие бутоны белых цветков. Малочисленная кучка людей следила за процессом погребения. Знакомых лиц, кроме Паши Панфилова, видно не было. Кто-то, в строгом костюме, произнес недолгую речь, и могильщики принялись за свою работу. Все выглядело буднично, за исключением, может быть, того, что гробы были закрыты и походили формой на ящики.

Вадим ничего не чувствовал: ни скорби, соответствующей моменту, ни горя. Ему просто не верилось, что сейчас уходят в землю близкие ему люди. Все, что должно было перегореть, – уже перегорело. Он не видел их мертвыми, поэтому и не мог до конца воспринять и самого факта похорон. Не дожидаясь окончания, Вадим тем же путем вышел из кладбища и сел в машину.

Самолет вылетал в двадцать тридцать, и ему нужно было собрать в дорогу вещи. Машину он отпустил. Решил добираться до аэропорта на такси. Соседка Галина Андреевна долго охала и ругала работу, которая не дает Вадиму как следует отдохнуть и совершенно не оставляет времени на личную жизнь. Он поведал ей, что произошла очень серьезная авария на буровой под Ноябрьском, и если срочно не наладить электронику, то произойдет обрушение скважины, грозящее резким повышением давления в пласте, в результате чего нефть может опуститься на несколько километров ниже. Из-за этого все остальные скважины придется переобустроить или совсем закрывать месторождение.

После выслушивания этой ахиней Галина Андреевна прониклась ответственностью и срочно собрала в дорогу объемистый пакет с едой. Краем глаза в зеркале Вадим заметил, как она тайком перекрестила его спину. Он не был ни атеистом, ни особо верующим, но было приятно, что кто-то чисто по-семейному провожает его.

Ровно в девятнадцать часов на желтой с шашечками «Волге» Веклемишев, или как он сейчас именовался – Веклищев, подкатил к аэровокзалу. Подхватив свой немудреный багаж, Вадим вошел через стеклянные двери в зал ожидания и сразу заметил Игоря Владимировича. Он стоял рядом со стойкой, над которой на табло горела надпись, соответствующая рейсу Вадима.

Посланник Старикова был один, и в голову Вадима закралась мысль, что начальствующий попутчик по каким-либо причинам не полетит. Однако у ног провожающего стоял весьма объемистый дорожный кейс, и он вряд ли предназначался для подарков в дорогу. Следовательно, представитель Генеральной прокуратуры уже прибыл и, вероятно, жаждет с ним встречи, чего нельзя сказать о товарище из Главного управления уголовного розыска в лице Вадима.

Игорь Владимирович радушно поздоровался. Он передал на словах не очень существенные инструкции от Станислава Сергеевича и дополнительные общие материалы. В принципе такую информацию Вадим уже получил в своем отделе, и особого интереса она не представляла. Потом они стояли молча и без интереса оглядывали полупустой зал. Пора бы уже объявить регистрацию на рейс, но динамики пока безмолвствовали.

Вадим обратил внимание на эффектную шатенку лет тридцати, шествующую через зал с гордо поднятой головой. Аскетом Викинг не был, и красивые женщины всегда привлекали его.

Судя по некоторому оживлению среди мужской части ожидающих, не он один обратил внимание на столь прелестный объект. Красотка, не обращая ни малейшего внимания

на взгляды окружающих, подошла к их скучающей компании и совершенно неожиданно для Вадима поздоровалась.

Игорь Владимирович галантно представил ему незнакомку:

– Надежда Алексеевна Ломейко – следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам, ваш непосредственный начальник на время проведения расследования. Прошу любить и жаловать, – и замолчал, любуясь выражением растерянности, возникшим на лице Вадима.

Известная фраза «эффект разорвавшейся бомбы» вряд ли подходила к ситуации. Под бомбежкой ему бывать приходилось, и он не испытывал в той обстановке такого идиотского состояния бессилия. Вадим припомнил ехидную ухмылку Старикова во время инструктажа, когда тот информировал о следователе, и понял, что его подставили самым хамским образом.

Дама протянула руку Вадиму, и он автоматически пожал узкую, но твердую ладошку. Она поняла по реакции будущего соратника – он не знал, что она женщина, и оценила это по-своему. Строгое выражение ее лица стало еще более холодным и независимым.

Игорь Владимирович, насладившись произведенным эффектом, вежливо попрощался и удалился. Вадим, с тоской глядя ему вслед, представил, с каким глубоким удовлетворением он сейчас с разворота врезал бы пяткой по идеально стриженному затылку.

Объявили начало регистрации. Надежда Алексеевна, подхватив свой кейс, направилась к стойке. Вадим, так и не сообразив, должен ли джентльмен в данной ситуации помогать даме нести свой багаж и дама перед ним или все же руководящий товарищ, уныло поплелся следом.

Уже находясь в накопителе, Вадим увидел возвратившегося Игоря Владимировича. Он что-то пояснил офицеру в пограничной форме, показал свое удостоверение, написал несколько слов на листке и передал его пограничнику. Тот направился к кучке прошедших контроль пассажиров, и Вадим шагнул навстречу, догадываясь, что послание предназначено ему. Приняв записку, он развернул ее. Сообщение было лаконичным: «Около девятнадцати часов скончался Николай Владимирович Осолов».

## Глава 4. Первые знакомства

Прикрыв глаза, Вадим неторопливо и лениво гонял в памяти план города Сьерра-Марино – столицы государства с идентичным названием. Он уже зрительно представлял его основные районы – делегасионес, наиболее крупные авениды и главные опорные пункты – местные достопримечательности. За время перелета от Москвы до Мадрида Вадим добросовестно проштудировал политические и экономические открытые материалы, которые подготовили параллельно аналитики его отдела и люди Старикова. Чувствовалось, что источники были одни и те же, поэтому у него оказался двойной комплект информационного бюллетеня. Один из них, на выбор, Вадим любезно предложил Надежде Алексеевне. Она полистала страницы, изредка останавливаясь на отдельных абзацах, но особой заинтересованности не проявила.

Контакт с ней налаживался неважно, можно сказать, что его практически не было. Вообще-то и сам Вадим пока не стремился к более тесным отношениям. Несколько холодная, можно даже сказать – высокомерная реакция дамы при первом знакомстве не располагали его к инициативе. Он решил пустить все на самотек и играть роль учтивого, но знающего себе цену подчиненного.

При пересадке Вадим все же помог даме поднести багаж, а также, по его мнению, приятно удивил Надежду Алексеевну прекрасным знанием английского и испанского. Ее знания для беглого общения за рубежом были совершенно недостаточны.

Йоркширское произношение Вадиму в свое время ставил специалист, не один год нелегально проработавший в Англии. А язык конкистадоров пришлось учить при подготовке к работе в одной из бывших испанских колоний. Методика обучения была отработана качественно. Вся группа на любых занятиях и даже отдыхе не имела права говорить – а инструктор настаивал: и думать, – кроме как по-испански. Илона Давыдова рыдала бы горячими слезами от зависти, узнав, с какой необычайной скоростью и качеством шло усвоение языка, перемешанного порой с не совсем нормативной и вполне отечественной лексикой. Эти выплески эмоций, правда, проявлялись не по злобе, а от излишнего усердия обучаемых.

Пока каждый из них занимался своей работой, не вмешиваясь в дела другого. Надежда Алексеевна что-то быстро писала в блокноте, разложив папку с бумагами на коленях, которые, по оценке Вадима, заслуживали пристального внимания. Не бумаги, естественно, а то, на чем они лежали. Периодически его блуждающий взгляд останавливался на данном объекте, и настроение от подобного зрелища не ухудшалось, а наоборот, приводило к определенным возвышенно-романтическим позывам, которые приходилось так же периодически отгонять.

Под мерный гул турбин «Боинга» Вадим мысленно закреплял полученную информацию и в перерывах прокручивал события двух прошедших суток. Викинг выходил на режим. Он назвал себя своим прозвищем и вспомнил, как его заработал.

Российская сторона получила информацию о налаживании канала поставок наркотиков из кокаинового треугольника латиносов. Отечественные начинающие наркобароны подготовили на удивление серьезную программу, и отделу была поставлена задача предотвратить это безобразие. Положение усложнялось тем, что в деле участвовали очень серьезные в бизнесе и общественной жизни люди, поэтому акция по их нейтрализации в родных пенатах не представлялась возможной, так как могла привести к неприятным последствиям. Под этот акт могли подвести политическую подоплеку с превращением подлецов в светлых мучеников демократии. Как следствие, был возможен совершенно ненужный кризис в определенных властных структурах. Предпочтительнее смотрелась бы бытовая драма или несчастный случай, причем подальше от исторической Родины.

После долгих раздумий и согласований было принято решение устроить маленькую драчку на чужом континенте, под которую «совершенно случайно» попадут некоторые основ-

ные фигуранты российской стороны. Проработали маршруты поставки порошка и для правдоподобности произвели несколько нападений на караваны соседствующих картелей. Они, естественно, начали между собой разборки со стрельбой и взрывами, и под этот шум группа Вадима произвела пиратский набег на катер с прибывшими на переговоры русскими «туристами».

Моторная пирога шла вверх по реке от индейского поселка. Километрах в пяти находилась небольшая пристань асиенды Маскаро, контролирующего не менее сорока процентов кокаина, производимого в регионе. Катер догонял еле ползущую лодку с двумя местными аборигенами, загруженную сетями. Фарватер был узкий, и быстроходное судно сбросило скорость и включило сирену. Пирога неторопливо начала отворачивать к берегу, освобождая дорогу катеру. Когда тот поравнялся с лодкой, один из индейцев неожиданно достал из-под свернутых сетей базуку и спокойно влепил выстрел в борт, в район машинного отделения.

Катер задымил, но остался на плаву. На палубу выскочили несколько ошалелых охранников с оружием, но люди в пироге, выбросив на борт в виде щитов бронезилеты и укрывшись за ними, открыли шквальный огонь из автоматов, сметая все живое на судне. Причалив к катеру, они заскочили на него, проверив, не осталось ли живых, и довершили начатое, забросав гранатами трюмные помещения.

Вся операция заняла около трех минут. Судно загорелось и начало тонуть. Убедившись, что дело сделано, Вадим с Самсоном прыгнули с борта и поплыли к берегу. Пирога со щитами-бронезилетами отправилась вниз по течению, а катер – на дно. Еще сутки, сбивая по джунглям погоню, Викинг с Самсоном выбирались к месту эвакуации. В российских газетах появился некролог о трагически погибших на отдыхе крупных бизнесменах. Планируемый канал поставки никто восстанавливать не стал, тем более что разборки между местными баронами на кокаиновом берегу еще долго не могли улечься.

А Вадим из-за его идеи применения бронезилетов на борту в виде щитов и абордажа получил с легкой руки Самсона прозвище «Викинг», хотя его фактура менее всего походила на бледный и белобрысый скандинавско-нордический тип.

Погрузившись в воспоминания, он не заметил, как задремал. Очнулся от ощущения легкого прикосновения к предплечью.

Будила спутница. Надежда Алексеевна интересовалась его вариантом плана предстоящего расследования. Вадим спросонья не сразу разобрался, чего от него хотят, но потом вспомнил, что в папке есть такой план, подготовленный ребятами Старикова. Он нашел и передал эти бумаги, а взамен получил объемистую пачку листов, на которых подробно описывались их будущие действия. Викинг затосковал.

Он привык к самостоятельности, сам планировал и ставил задачи. Хотя в предстоящей работе пока не было ясности, но зашоривание его с первых же шагов начинало приводить в негодование. Внешне Вадим никак не показал свое недовольство и потихоньку стал пролистывать полученный материал. Незаметно для себя он увлекся. План был написан, и довольно толково. Анализируя исходные данные, он упустил многие важные детали, которые следовало взять на заметку. В плане чувствовалась рука и мозги профессионала-криминалиста. Вадим отложил в памяти некоторые аспекты и посмотрел на спутницу. Судя по выражению ее лица, команда Станислава Сергеевича оказалась явно не на высоте.

Надежда Алексеевна захлопнула папку и повернула голову к соседу. Их взгляды встретились. Ни один не начинал разговора, и молчание затягивалось.

Первым не выдержал Вадим:

– Ну что, будем работать?

Следователь Генпрокуратуры, классически выдержав паузу, со вздохом ответила:

– Давайте попробуем.

В Сьерра-Марино было жарко. Посольский микроавтобус бесшумно летел по автостраде. Кондиционер работал, и зной, обжегший при выходе из лайнера, остался за стеклами автомобиля. Высокие пальмы вдоль трассы лениво покачивали кронами под легким ветром, долетающим с океана. Слева стройные ряды виноградника уходили к подножию невысоких гор.

На въезде в город высилась огромная стела, у основания которой стояла часовня. Сопровождающий пояснил, что это памятник погибшим за независимость от испанского ига под названием «Колонна свободы». В столице много памятников как завоевателям, так и освободителям – борцам за независимость друг от друга. Отношение на удивление бережное и к тем, и к другим. Первый Президент страны Антонио Артиас, которому в столице стоит не менее дюжины пеших и конных скульптур, одним из первых декретов взял под охрану государства все памятники вне всякой зависимости от их национального, расового и классового содержания.

Прибывших разместили в крохотной гостиничке на территории посольства в одноместных, но относительно просторных номерах. Само здание было старой постройки с лепниной на фасаде и зубастыми мавританскими башенками сверху, но внутри отделка и оборудование были вполне современными с кондиционерами и глухими пластиковыми рамами.

На пятнадцать часов посол назначил прибывшим аудиенцию, и у них оставалось достаточно времени, чтобы привести себя в порядок после долгой дороги. Зайдя в ванную, Вадим услышал из соседнего номера, где расположилась Надежда Алексеевна, шум воды. Его спутница также принимала водные процедуры. Вадим совершенно бессознательно представил, а потом, чуть застыдившись, постарался побыстрее отогнать от себя соблазнительную картину происходящего за тонкой стенкой.

Он не был женоненавистником. Специфика работы не то чтобы отвергала, но просто не слишком располагала к постоянству. Женщины в его жизни не задерживались надолго. Частые и продолжительные командировки рвали складывающиеся связи, да и он сам не очень стремился брать на себя ответственность за чью-то судьбу.

А насчет шума воды за стеной и соблазнительной картины – было бы намного хуже, если бы его это не волновало.

Встреча с послом носила официальный и потому не очень конструктивный характер. Общие фразы и пожелания успеха в трудной работе. Представительный и в меру вальяжный дипломат общался больше с Надеждой Алексеевной, не только как с руководителем, но и с дамой, осыпая ее комплиментами, на что она реагировала довольно сдержанно.

Их поручили второму секретарю посольства. Как правило, эту должность занимали конторские, и Вадим был уверен, что инструкции по поводу его прибытия уже получены.

Второй секретарь, молодой и подтянутый мужчина, Сергей Сергеевич – «...по кличке Роберт», добавил про себя Вадим, вспомнив старый отечественный фильм, принял их радушно, предложив прохладительные напитки и кофе. В отличие от посла, затянутого в пиджак и галстук, он был одет, как и гость, в светлые брюки и свободную белую рубашку.

Викинг несколько раз ловил на себе его внимательные и оценивающие взгляды. Надежда Алексеевна тезисно изложила предварительный план расследования и попросила как можно скорее организовать ряд встреч с должностными лицами местных правоохранительных органов. Оказалось, что это не совсем просто. Необходимо было сделать предварительный запрос в Министерство юстиции и только по его согласию, утвержденному графику и, соответственно, под его же неусыпным контролем начать расследование. А еще нужно получить согласования и визы Министерства внутренних дел и антитеррористического департамента, но это немного проще...

Местная бюрократия могла дать фору российским чиновникам. Любая бумага должна была четко вылежать свой срок на каждом столе и получить свой набор визирующих подписей в их четкой и строгой последовательности вне всякой зависимости от срочности, размеров

благодарности или дружеских связей просителей, хотя без последних двух пунктов получение любого документа представляло практически неразрешимую проблему.

После согласования графика планируемых встреч гостям было предложено ближайшие два дня посвятить отдыху. Правда, руководством устно высказывалось пожелание по возможности не покидать пределы посольства из опасений повторения инцидента. Это была обычная и непреодолимая отечественная перестраховка – негласный совет, возведенный в ранг приказа. Не очень обязательный для исполнения, однако чреватый последствиями.

Вернувшись в номер, Вадим включил телевизор. На трех каналах шли мыльные оперы, два остальных показывали местную хронику. Раздался телефонный звонок. Подняв трубку, Вадим услышал глуховатый голос Сергея Сергеевича, с которым они расстались несколько минут назад. Он вежливо предложил встретиться с ним через час в помещении библиотеки.

Неофициальная встреча прошла в небольшой и уютной комнате за читальным залом под еле слышимый шум кондиционера. Можно было не сомневаться, что это помещение специально предназначено для конфиденциальных встреч и защищено от прослушивания. Как Викинг и предполагал, инструкции из Москвы по поводу его приезда поступили. Сергей Сергеевич был готов обеспечить работу, но только по легальной части расследования, как с привлечением открытых, так и не совсем гласных источников.

На большее Вадим и не рассчитывал. Контора себя страховала на случай неприятностей и была абсолютно права. Естественно, оружие и необходимое оборудование, если они понадобятся, добывать придется самому. На этот случай ему Дедом был дан некий адресок.

А главной новостью, поступившей от местного информатора, было то, что мужчина, встретивший Валерия Осколова и забиравший из машины деньги, предназначавшиеся для выкупа, очень похож на одного из приближенных Хервасио Арриана. Этот самый Хервасио был в числе непримиримых лидеров герильерос. Полученные сведения проверялись агентом Сергея Сергеевича и могли быть хоть какой-то зацепкой для начала расследования. Осведомитель из официальных кругов также подтверждал, что в правоохранительных органах Сьерра-Марино муссируется данная версия. Окончательное подтверждение информации должно поступить максимум в течение ближайших суток из обоих источников.

До получения разрешения чиновников Министерства юстиции действительно не стоило начинать никакой деятельности. Местные органы правопорядка довольно ревниво относились к несанкционированным действиям на их территории и могли доставить нарушителям серьезные неприятности. При самом лучшем раскладе активная работа их команды могла начаться не ранее чем послезавтра.

Полученная информация давала определенные надежды. Хоть и зыбкую, но все же нить для начала расследования. Следующую встречу с Сергеем Сергеевичем назначили на завтра, на это же время. Первую половину дня Викинг уже распланировал и надеялся, что планы ему не сорвут.

Надеялся он зря. Утром ему позвонила его начальница и попросила сопроводить ее в город. Вадим чертыхнулся про себя, однако любезно согласился, надеясь найти какую-то причину и расстаться во время прогулки или просто потеряться. Он подозревал, что дама хочет ознакомиться с местными магазинами, но ошибся. Надежда Алексеевна предложила, чтобы не терять время, посетить место происшествия в старом районе Сьерра-Марино. Вадим был не против, хотя и не думал, что они обнаружат там что-то интересное.

Вторым фактором отказа от мысли потеряться была слежка, которую Викинг обнаружил сразу после отъезда из посольства. За такси, в которое они сели, пристроился спортивный темно-синий «Мустанг» с тонированными стеклами. Работа «хвоста» была старательной, но не настолько, чтобы ее не заметил профессионал. Вариантов могло быть несколько: наблюдение организовано местной полицией или органами безопасности с целью проверки лояльности вновь прибывших, негласная охрана теми же органами или своими, посольскими. Самое

скверное – повторение истории с Осколовыми. Хотя последнее могло быть и не совсем скверным, а наоборот – дать след.

Викинг решил прокатать приставший «хвост» и повел себя несколько сумбурно, удивляя этим спутницу. Он несколько раз останавливал такси под предложениями покупки сигарет, спичек и минеральной воды. Привел в некоторое замешательство Надежду Алексеевну, придвинувшись к ней слишком близко и наклонив голову к ее плечу – так было удобнее наблюдать в зеркало заднего вида. Она испуганно отодвинулась и прижалась к дверце, но, убедившись, что дальнейших интимных поползновений с его стороны не наблюдается, успокоилась, хотя и не совсем.

Отлучки Вадима из машины, судя по реакции людей в «Мустанге», беспокоили их не очень сильно. Автомобиль преследователей спокойно стоял в отдалении и начинал движение, когда он возвращался и такси трогалось с места.

Когда же они добрались до пустыря, где находился взорванный дом, «Мустанг» попытался было завернуть следом за ними в узкую улочку, но увидев, что такси остановилось, задним ходом вывернул назад и встал на перекрестке, укрывшись за низким забором.

Осмотр места происшествия ничего не дал. Если бы не свежие угли, оставшиеся после пожара, трудно было бы отличить пепелище от скудного окружающего ландшафта. Мусор и пыльные заросли местного бурьяна резко контрастировали с ухоженным центром столицы, где недавно они проезжали. Все мало-мальски ценное с участка уже растащили соседи, и глазу не за что было зацепиться. Назад ехали в унылом молчании.

Квартала за четыре до посольства, около базарчика, Викинг под предлогом покупок попросил остановиться. Надежда Алексеевна отправилась дальше, а он нырнул в шумные ряды и стал наблюдать за дорогой. «Мустанг» проехал мимо базара, продолжая упорно преследовать их машину. Вадим, оставив свое укрытие, запрыгнул в стоящее около тротуара свободное такси и небрежно бросил на переднее сиденье двадцатидолларовую купюру. Указав водителю, пожилому мулату в форменной фуражке, на синий «Мустанг», он приказал следовать за ним.

Надежда Алексеевна подъехала к посольству и зашла внутрь. Солнечные лучи косо падали на машину преследователей, и Вадим с трудом, но все же смог через тонированные стекла различить два силуэта на передних сиденьях. Один из них держал около уха трубку мобильного телефона. Постояв на месте еще около минуты, машина резко развернулась и поехала в сторону центра. Вадим вынул из кармана еще одну двадцатку, показал ее водителю со словами:

– Если не отстанешь от «Мустанга», она твоя.

Тот, оживившись, заскрежетал стартером и ринулся в погоню. Проскочив центр, неизвестные повернули в сторону океана и вышли на автостраду. Вдоль побережья располагался Прадо – самый красивый и престижный район города. Фешенебельные особняки прятались в буйной тропической растительности и издали радовали глаза великолепной архитектурой. Проехав километров пять, машина преследователей резко свернула к высоким кованым воротам. Через несколько секунд их створки автоматически открылись и «Мустанг» заехал на территорию.

После недолгих расспросов водителя, подкрепленных еще одной мелкой купюрой, Вадим установил, что особняк принадлежит очень богатому сеньору. Произнося слова «очень богатому», шофер закатывал в небо глаза, показывая из-под век огромные белки, и воздевал вверх руки. Фамилия этого сеньора была Арриан.

Только вчера Викинг слышал ее от Сергея Сергеевича, как принадлежащую одному из лидеров партизан-герильерос. Как-то не вязалось левое повстанческое движение и богатство особняка. Оставив вопросы до встречи с коллегой, он отправился в посольство.

Результаты поездки были малоутешительны, но в деталях интересны. На месте трагедии они ничего не нашли. За ними следили, причем непонятно кто и зачем. Правда, кое-что начало

проявляться. Слежка была организована явно не официальными органами. Судя по действиям преследователей, сам Викинг их не интересовал. Этот момент, с одной стороны, радовал, с другой – был совершенно непонятен. Напрашивался вывод, что кому-то была интересна личность Надежды Алексеевны. Вопрос «зачем» оставался без ответа. И последнее, может быть, самое важное: уже дважды в течение суток всплывала фамилия Арриан.

По дороге в посольство Викинг все же смог выполнить часть своего плана, намеченного на сегодняшний день. Предварительно созвонившись по уличному таксофону, он посетил картинную галерею современной живописи. Пробыл там недолго, но вышел вполне довольным.

Встреча с Сергеем Сергеевичем дала конкретную информацию, но особой ясности не внесла. Нувориш Эрнандо Арриан, чьи кованые ворота имел честь наблюдать Викинг, был родным дядей пламенного революционера Хервасио Арриана и его непримиримым врагом. Эрнандо имел огромные кофейные и табачные плантации, которые подвергались периодическим набегам и экспроприациям со стороны людей Хервасио, а также большой танкерный флот и держал в своих руках более сорока процентов поставок в страну нефти.

Эрнандо и отец Хервасио родились в семье известного, но небогатого юриста. Эрнандо выбрал путь коммерции, чем огорчил своих родителей. Старший же брат продолжил дело отца и занялся юриспруденцией. Его сын Хервасио выбрал ту же стезю и окончил юридический факультет Принстона. Правда, чуть позже социалистические идеи овладели сознанием молодого человека, и результат был налицо – две яркие социальные противоположности: дядя и племянник.

Была еще одна версия, утверждавшая, что в уходе Хервасио в революцию виноват сам дядя Эрнандо, отказавший племяннику, когда тот просил руки своей кухни-primо, в которую был с детства влюблен. В общем, она прима, он прима, а история банальная, не первой свежести. Но это были больше домыслы, а им не всегда можно верить.

Была у родственников черта, которая объединяла их. По слухам, оба не выбирали средств, чтобы добиться своего. Молва утверждала, что дядя без всякой жалости убирал соперников и конкурентов, пока не достиг своего положения и не создал могучую империю Эрнандо Арриана.

Горячие южные страсти, о которых поведал Вадиму Сергей Сергеевич, были занимательны, но вопрос о сегодняшней слежке оставался открытым. Более интересным было подтверждение версии о причастности к похищению и смерти Осколовых одного из приближенных Хервасио. Оба осведомителя подтвердили эти данные. Полиция идентифицировала мужчину на видеозаписи с личностью Хосе Диоса, находящегося в розыске по подозрению в причастности к совершению ряда преступлений. Одновременно с этим второй агент докладывал, что Диос более трех недель как исчез из лагеря Хервасио, но, случилось это с ведома Арриана или без него, узнать не было возможности.

Данные сведения давали конкретное направление в работе. Надо было выходить на герильерос. Сергей Сергеевич в этом деле был не помощник, и надеяться следовало только на свои силы. Подходящих вариантов пока не намечалось, и это было скверно.

Вечером в номере Вадима зазвонил телефон. Надежда Алексеевна попросила его зайти к ней. Вадим постучал в дверь ее номера. В одной руке он держал ананас с пышным зеленым хвостом, в другой – плетеную корзиночку с персиками. Она открыла дверь и удивленно посмотрела на фрукты.

– А это зачем? – сухо спросила Надежда Алексеевна.

– Это результаты моего похода по базару.

Она безразлично пожала плечами, однако взяла фрукты, вымыла их и поставила на журнальный столик. Надежда Алексеевна присела в кресло напротив Вадима.

– Завтра на десять утра нас приглашают в Министерство юстиции. Кажется, формальности выполнены, и можно приступать к работе.

Вадим уже знал про это от Сергея Сергеевича, но сделал вид, что обрадован такой скоростью решения вопроса.

– И еще завтра же мы должны встретиться в Министерстве внутренних дел с непосредственными руководителями, проводившими операцию по освобождению заложников. Как вы считаете, правильно была ими организована акция или они допустили какие-то просчеты?

Вадим хорошо знал руководство по антитеррористическим действиям и сам участвовал в них, поэтому ответил довольно откровенно:

– Судя по материалам, которые мы получили, претензии по их работе несущественны. Вполне грамотно подготовленная и организованная операция, и в трагическом исходе вины исполнителей я не вижу. Может, в дальнейшем и узнаем что-то новое. Пока обвинять в случившемся, кроме самих террористов, некого.

Надежда Алексеевна достала блокнот и сделала в нем запись. Вадим понял, что она готовит себя к завтрашнему разговору. Ему стало немного обидно, что его так используют, но он сам быстро включился в процесс, похожий на игру.

Они начали закидывать друг друга вопросами. Почему бронезилет Осколова оказался снят? Почему команда на захват была подана именно в это время? Через сколько времени перекрыли район, прилегающий к месту происшествия? Почему?... Почему?...

Скоро такими заметками были исписаны несколько страниц в блокноте. Одновременно с этим гость нанес ощутимый урон фруктовому содержимому тарелок. Пора было заканчивать встречу. Вадим боролся с желанием выдать часть информации, полученной им сегодня, но решил не торопиться. Завтра Надежда Алексеевна получит эти сведения из официальных источников, а по поводу слежки нужно попробовать сначала разобраться самому.

Вадим попытался туманно предупредить ее, что необходимо быть осторожной и постоянно на чеку, на что получил скептическое продолжение: «...не гулять с нехорошими мальчиками и вовремя ложиться спать».

И еще Надежда Алексеевна с кривой усмешкой добавила туманную фразу:

– Я думала, что вы будете за мной только наблюдать, а не читать скучные нотации.

Вадим не понял, что она хотела этим сказать, но решил, что все темы на сегодня исчерпаны и ему пора возвращаться к себе.

В Министерстве юстиции все прошло почти гладко и, как сказал Сергей Сергеевич, очень быстро, хотя пробыли они там около четырех часов. Документ, скрепленный тремя подписями и двумя печатями, гласил, что сеньору Веклищеву и сеньоре Ломейко (Вадим со злорадством отметил, что консервативные латиносы поставили мужчину как положено – впереди женщины) разрешено заниматься проведением расследования по поводу гибели российских дипломатов, и просьба всем официальным лицам оказывать содействие вышеупомянутым сеньору и сеньоре.

Несмотря на то что в помещениях работали кондиционеры, четырехчасовая гонка по кабинетам вымотала всех троих, и они стояли между величественными колоннами центрального подъезда Министерства юстиции, вытирая с лиц испарину. Министерство внутренних дел находилось напротив, и нужно было лишь перейти через площадь, расчерченную коричневыми и черными гранитными плитами. Однако, по предложению Сергея Сергеевича, поэтому единогласно, было решено сначала посетить близлежащее кафе, тем более что подошло по местным обычаям время «альмуэрсо» – обеда и послеобеденного отдыха.

Кроме министерств, на площадь выходил огромный кафедральный собор Пресвятой Девы Лусии и вполне современный супермаркет. Так что здесь были представлены классические устои государства: церковь, суд, полиция и торговля.

Они расположились за столиком под ярко-красным зонтиком с надоевшей эмблемой «Кока-Колы». Вадим незаметно огляделся по сторонам и заметил на стоянке рядом с супермаркетом уже знакомый темно-синий «Мустанг», преследовавший их вчера. Он незаметно обра-

тил на него внимание Сергея Сергеевича. Тот кивнул, что предупреждение принял, и, пока официант выполнял их заказ, отлучился позвонить. Вадим, откинувшись на стуле, осмотрел кафе и с невольной мужской гордостью заметил, что его спутница произвела неизгладимое впечатление на присутствующих идалго.

Фланирующие по площади жгучие представители сильного пола подтянулись поближе к столикам и, проходя мимо, буквально поедали глазами Надежду Алексеевну. Мужчины, сидевшие в кафе, уделяли ей не меньшее внимание, прижимая указательный палец к нижнему веку и качая при этом головой. Такой жест по местным обычаям означал высшую форму восхищения. Сама дама на все это обращала внимания не больше, чем на прогуливающуюся по площади трехцветную кошку.

Сергей Сергеевич возвратился быстро, и они приступили к дегустации мороженого. Вадим разочарованно определил, что московский пломбир намного вкуснее и приятнее. Местный продукт напомнил ему фруктовое мороженое из детства – самое дешевое, хрустящее и несладкое. А вот кофе в маленьких фарфоровых чашечках был великолепен. Скромно перекусив, а в такую изнуряющую жару есть не хотелось совсем, они отправились в Министерство внутренних дел, оставив мужскую часть населения кафе и прилегающей к нему площади в полном разочаровании.

Если Министерство юстиции практически не охранялось – в вестибюле присутствовал только престарелый вахтер, то у подъезда Министерства внутренних дел стояли в касках с автоматами двое крепких полицейских, затянутые, несмотря на зной, в ремни. Такие же парни охраняли турникет на первом этаже. После тщательной проверки документов и длительных переговоров по внутреннему телефону хмурый полицейский провел их на второй этаж в приемную министра Пабло Вильяса.

Ожидать приема пришлось не более десяти минут. Секретарь любезно пригласил пройти в кабинет и плотно притворил за ними дверь. Несмотря на внешнюю доброжелательность министра, было видно, что он расстроен. Присутствующие были предупреждены, что трагический инцидент с их соотечественниками едва не привел к его отставке и Президент поручил лично сеньору министру контролировать ход следствия. Результаты пока были плачевные, и дамоклов меч отставки так невидимо и висел над головой Вильяса рядом с реальным портретом Президента на стене за креслом.

Беседа, которую Вадим переводил с испанского для Надежды Алексеевны, была короткой. Министр подтвердил полномочия российских следователей и направил их непосредственно в антитеррористический департамент к полковнику Руэнтосу. Похоже, Пабло Вильяс не видел особого смысла и тем более пользы от их участия в проведении расследования.

Антитеррористический департамент находился в нескольких кварталах от Министерства внутренних дел. Посольская машина уверенно вписалась в тугий и беспорядочный автомобильный поток авениды Пренс-Принц, пересекающей насквозь столицу. Сергей Сергеевич внимательно посмотрел в зеркало заднего вида и едва заметно кивнул головой, давая Вадиму знак, что «Мустанг» опять сел на хвост. Он наклонился к водителю и что-то негромко ему сказал. На ближайшем перекрестке их машина из крайнего левого ряда, завизжав резиной, резко ушла вправо, едва избежав столкновения с подрезанным автомобилем, и под громкие возмущенные сигналы клаксонов скрылась в узком переулке.

Вадим оглянулся в заднее стекло и увидел, что из пробки, организованной ими на перекрестке, с трудом, но все же вылезает темно-синий капот «Мустанга». Водитель пронесся еще пару кварталов и несколько раз повернул направо, налево, опять направо... Водил он классно. Иногда казалось, что их лимузин на тесной улочке разнесет вдребезги прилавки, тележки, в изобилии наставленные вдоль домов, или себя, не вписавшись на скорости в острый поворот. Но все закончилось на удивление благополучно. Еще раз взвизгнув покрывками, они опять

оказались на той же авениде, с которой недавно свернули, только парой кварталов впереди. Только минуты через три сзади замаячил автомобиль преследователей.

Надежда Алексеевна с удивлением следила за их странными действиями, но вопросов не задавала. Сергей Сергеевич по окончании маневров повернулся и с очаровательной улыбкой пояснил, что они просто объезжали пробку, возникшую впереди по дороге. Объяснение было молча принято, но поверила она ему или нет, оставалось только гадать.

Владения грозы террористов полковника Алессандро Руэнтоса охранялись серьезнее, чем ракетно-ядерная база. Квартал был обнесен четырехметровой кирпичной стеной, поверх которой шли два ряда колючей проволоки. Судя по изоляторам, на которые она крепилась, не исключалось, что по ней шел ток высокого напряжения.

Массивные створки ворот захлопнулись за автомобилем, въехавшим в глухой каменный мешок. Сверху на стене стояли автоматчики, а из двух амбразур прямо в лобовое стекло назидательно смотрели стволы станковых пулеметов. По четырем углам висели камеры слежения.

Офицер в сопровождении трех вооруженных полицейских попросил их выйти из машины. В его руках были документы прибывших, которые они предъявили перед въездом. Офицер вел себя корректно, но на попытки протеста, что автомобиль принадлежит посольству, ответил коротко:

– Такой порядок для всех.

Порядку пришлось подчиниться. Осмотр машины производился по всем правилам. Выпотрошили все: багажник и моторный отсек, подняли сиденья и капот, осмотрели потаенные углы и днище с помощью зеркала. Личный досмотр не делали, но чуть позже, в здании, все же пришлось пройти через подкову металлоискателя. За вторыми воротами во дворе стояли два бронетранспортера с расчехленными пушками, и еще три амбразуры смотрели сверху темными радиусными щелями бойниц и за забор, и внутрь территории.

«Весело живут ребята», – усмехнулся про себя Вадим. Он знал по информативному бюллетеню, что обстановка с террором в Сьерра-Марино непростая, но, судя по охране, дело обстояло серьезнее, чем можно было догадываться. Полковник Руэнтос характеризовался как классный профессионал, и предпринимаемые им меры вряд ли были простой прихотью служаки.

Встреча с полковником показала, что сведения о личности главы антитеррора в стране вполне достоверны. Глубокая информированность, интеллект, одновременно – властность в поведении и натренированное тело выдавали серьезного бойца. Встретившись с оценивающим взглядом Руэнтоса, Викинг понял, что они волки одной стаи. Трудно сказать, как это можно почувствовать, но было видно, что полковник так же достойно оценил своего гостя.

Контакт налачился быстро. На встречу вызвали сотрудников департамента, участвующих в расследовании. Все материалы были раскрыты для изучения. Вадим вместе с Сергеем Сергеевичем выступали переводчиками для Надежды Алексеевны. Вопросы, которые они вместе подготовили, сыпались на местных детективов словно из рога изобилия.

Недоверчивые и даже насмешливые поначалу взгляды на Надежду Алексеевну скоро сменились уважительным отношением к ней. Так мог работать только опытный криминалист, и все это быстро поняли. Вадиму понравилось, что сотрудники у Руэнтоса работали очень серьезно и напряженно. Было видно, что отбор осуществлялся по высоким деловым качествам. Ненужных здесь не держали.

Информация о погибшем во время взрыва Хосе Диосе сегодня была единственной зацепкой в деле. Для Вадима это не было новостью, но его спутница очень заинтересовалась данными сведениями. Когда вопросы иссякли, Надежда Алексеевна углубилась в представленные материалы – фотографии и схемы. Сергей Сергеевич в это время оживленно о чем-то беседовал с руководителем пресс-службы департамента. Вадим, закончив работу добровольного переводчика, попросил сотрудников полковника Руэнтоса прокачать интересующую его информацию

о принадлежности «Мустанга», второй день висящего на хвосте. Надежда Алексеевна удивленно взглянула в его сторону, но ничего не сказала и снова занялась бумагами.

Сведения из компьютера о машине подтвердили наблюдения Викинга. Автомобиль относился к гаражу Эрнандо Арриана и находился в распоряжении службы его безопасности. Пришло время побеседовать с полковником.

– Вы можете мне подробно рассказать об отношениях дяди и племянника – Эрнандо и Хервасио Аррианов?

– Чем они вас заинтересовали? – удивленно спросил Руэнтос.

Скрывать смысла не имело. Вадим рассказал о непонятной слежке за ними. Руэнтос на секунду задумался.

– С этим, конечно, надо разобраться, но одно можно сказать, что дядя и племянник действительно враждуют и контактов между ними нет никаких.

Алессандро Руэнтос принадлежал к одному из старейших и знаменитых родов Сьерра-Марино, такому же, как и семейство Аррианов. Поэтому ему были известны не только оперативные данные, но и внутренние, часто скрытые от посторонних глаз отношения в семействах аристократов. В их круг чужаки, в том числе и новоиспеченные богачи, не допускались. Разглашать семейные тайны было крайне плохим тоном, но данный случай мог быть исключением из правил.

Интерес этого русского не был праздным. Полковник понимал, с одной стороны, тот нащупывает скрытую нить в расследовании, которая пока не являлась на свет, а с другой стороны, он чувствовал с первой минуты встречи расположение к этому человеку. И в конце концов этот русский парень скоро уедет, и ему не будет никакого дела до местной светской жизни, как и самому полковнику абсолютно неинтересно происходящее в России. И полковник ввел Вадима в курс скандалов в семействе одного из самых богатых людей Сьерра-Марино.

Раздоры в семье Аррианов начались давно, еще до рождения Хервасио. Его мать предпочла выйти замуж за старшего брата, отвергнув любовь младшего – Эрнандо. Семейные контакты между ними продолжались, хотя отношения были натянуты. Эрнандо довольно удачно женился на дочери кофейного магната и принял от него дела. Рождение Хервасио, а через четыре года Христа, дочери Эрнандо, внесло новые сложности в их отношения. Дед настоял, чтобы его внуки еще в младенческом возрасте были помолвлены. Браки между двоюродными братьями и сестрами не возбранялись и даже приветствовались в старинных родах. Эрнандо хоть и скрипел зубами, но ему пришлось согласиться с волей отца. Обида на родителей Хервасио с годами не угасла, а может, даже обострилась. Он тешил себя мыслью, что ко времени, когда дети войдут в возраст жениха и невесты, можно будет отменить эту помолвку. Такое случалось, и если происходило по согласию сторон, то не было особым нарушением обычаев.

Однако судьба распорядилась по-своему. Молодые люди, несмотря на редкие встречи, прониклись симпатией друг к другу и поклялись в вечной любви. По возвращении из Принстона Хервасио принял от отца его адвокатскую практику и повел дела довольно успешно. Встав на ноги, молодой человек решил просить у Эрнандо руки его дочери. Объяснение прошло бурно. Нрав у обоих был горячий – давала знать о себе одна кровь. Встреча закончилась отчаянной рубкой на саблях, которые в избытке висели на стенах кабинета Эрнандо. Увечий противники избежали. Их с трудом, но все же разняли. Однако после столь бурного объяснения они стали заклятыми врагами.

Христа также внесла свою лепту в интригу, заявив отцу, что будет принадлежать только Хервасио. Разгневанный отец проклял племянника, а тот объявил ему войну, примкнув вначале к умеренным анархистам, а потом вообще организовал свой, крайне экстремистский, отряд повстанцев-герильерос.

Один из самых богатых людей Сьерра-Марино щедро выделял средства на борьбу с партизанами, подразумевая под этим борьбу с родным племянником, а непримиримый левый –

Хервасио Арриан, пламенно боролся за социализм, пуская красных петухов капиталисту-дяде. Красавица же Христа категорически отказывалась от выгодных партий для замужества и трепала нервы отцу экстравагантными скандальными выходками. Страсти пылали огненными кострами, сталь звенела, глаза сверкали... В общем, ситуация была крайне тупиковая.

Отсюда следовало, что версию о контактах Аррианов можно с чистой совестью исключить. Если предположить, что Хервасио как-то причастен к делу Осколовых, то возможность участия в этом его дяди абсолютно нереальна. Вадим вынужден был с этим согласиться, хотя ему не давала покоя непонятная слежка. В конце концов все должно когда-то проясниться, а сейчас необходимо было выходить на явный след, на Хосе Диоса, участвовавшего в террористическом акте.

Викинг попросил дать ему подробную информацию о действиях отряда Хервасио Арриана. Эти сведения ему представили. Материал был объемный, на его изучение пришлось потратить более двух часов. Надежда Алексеевна занималась своими делами сначала с помощью Сергея Сергеевича, а потом – переводчика, вызванного из посольства.

Вадим с интересом оглядел переводягу – как ни крути, свой парень, несостоявшийся коллега. Это был молодой человек лет двадцати пяти. Вид, правда, хиловатый и вполне цивилизованный – явно из гражданских специалистов.

Видя, что процесс налажен, второй секретарь попрощался с ними. Скоро и Вадим, изучив то, что ему было необходимо, решил покинуть эту гостеприимную, хотя с виду и не совсем приветливую организацию. У него были свои неотложные дела.

Надежда Сергеевна попрощалась безразлично и почти холодно, показывая, что каждый из них занимается своим делом. И, в общем, она была права. Посольский автомобиль и переводчик остались в ее распоряжении. Вадим остановил такси и поехал в центр, к знакомой площади Пресвятой Девы Лусии, названной в честь одноименного собора. По дороге он внимательно осмотрел пластиковую карточку, полученную им в конторе полковника Руэнтоса. Вверху был герб Сьерра-Марино – леопард в прыжке на фоне пальмы. Слева – фотография Вадима, переданная заранее из посольства, и короткий текст, удостоверяющий его принадлежность к работе антитеррористического департамента. Еще ниже стояла черная печать с изображенными на ней перекрещивающимися мечами.

Вадим убедился, что слежки за ним нет. Знакомый «Мустанг» исчез из поля зрения, а новых преследователей не появлялось. Погуляв по супермаркету, он купил местную газету «Новедас» – «Новости» и присел на лавочку в сквере рядом с собором. Время до встречи у него оставалось, и можно было насладиться отдыхом, тем более что к вечеру жара немного спала и легкий ветерок с побережья приятно обволакивал тело.

Газета была официальной и рассказывала о политических и экономических достижениях Сьерра-Марино, работе Президента и Ассамблеи – по-нашему Государственной думы, ценах на хлопок, кофе и табак, криминальных новостях. Одна заметка привлекла внимание Вадима. В ней кратко говорилось, что в страну прибыла неправительственная российская делегация для заключения договоров по поставкам нефти. У Викинга появились смутные ассоциации, связанные с фамилиями, указанными в заметке, и он, отложив их в память, решил получить более подробную информацию об этих переговорах у Сергея Сергеевича.

Время подходило, и Вадим отправился на запланированную встречу. Его внешний вид – смуглый, с темными волнистыми волосами, не выделял Викинга из толпы. Он походил на среднестатистического гражданина страны, может быть, только более европеизированного. Крови здесь перемешано было много: испанской, индейской, африканской – креолы, метисы, мулаты...

Ровно в восемнадцать часов Викинг остановился у цветастой афиши на входе в Галерею современного искусства. Любуясь яркими каракулями и надписью, сообщающей о выставке мексиканского художника-авангардиста, он не заметил, а точнее – не показал виду, так был

поглощен созерцанием красочного плаката, как рядом остановился смуглокожий крепкий мулат в легком светлом пиджаке, соломенной шляпе.

Его лицо и манеры как-то не предполагали в нем особой любви к искусству современному или классическому.

Шрамы на лице заставляли думать о более прозаическом хобби, а на место изящной тросточки, которую вертели руки мулата, просилось что-то более серьезное, с виду схожее со станковым пулеметом или базуккой.

Мулат тросточкой показал на афишу и о чем-то спросил Викинга. После недолгого оживленного разговора они вместе вошли в галерею, вежливо уступая друг другу дорогу. Со стороны могло показаться, что встретились два завзятых любителя современной живописи и графики. Минут через двадцать они вышли на ступеньки. Судя по их довольным лицам, время на посещение экспозиции было потрачено с пользой для обоих.

Сразу по возвращении Вадим созвонился с Сергеем Сергеевичем, и они договорились о встрече. Особых новостей не было. Информаторы пока молчали. На вопрос о российской делегации, прибывшей на переговоры по поставкам нефти, Сергей Сергеевич немного скрылся и процитировал Высоцкого:

Проникновенье наше по планете  
Особенно заметно вдалеке:  
В общественном парижском туалете  
Есть надписи на русском языке.

Потом перечислил лиц, входящих в состав делегации: пара незнакомых фамилий, один бывший известный высокопоставленный чиновник и еще более популярный в определенных кругах Монгол, вор в законе, передислоцировавшийся на крупный бизнес.

Два брата Монтуровых – Монгол и Монах – имели на двоих двадцать четыре года отсидки и сибирскую нефтяную компанию с Председателем совета директоров в лице одного из бывших вице-премьеров. Делегация прибыла в Сьерра-Марино для заключения договоров на поставки российской и, по слухам, иракской нефти, закрытой международным эмбарго. Переговоры проходят не только на уровне частных компаний, но и с чиновниками Министерства топлива и энергетики на государственном уровне. Кстати, один из самых крупных воротил местного нефтяного бизнеса – не кто иной, как Эрнандо Арриан.

Прибыли «нефтяники» в тот же день, что и Вадим с Надеждой Алексеевной, только рейсом из Лондона. Родное российское посольство в этой акции не участвовало, так как визит носил частный характер.

Вадим опять почувствовал дискомфорт в ощущениях. Что-то вертелось в подсознании, но связать это «что-то» в единую цепь не получалось. Гибель Осколовых никак не пересекалась с этими событиями и лицами, а значит, ее пока можно загнать в память, в отдел «иметь в виду». Своих хлопот не перечесать.

В первую очередь надо было выходить на Хервасио Арриана и разбираться с его человеком. Пока были только наметки – сведения из конторы Руэнтоса и данные агента Сергея Сергеевича. Первые приблизительно знали месторасположение, а вернее – предполагаемый горный район базы Хервасио. Если бы знали точно, сами бы разбомбили его. Второго, хотя это был реальный и прямой выход на герильерос, не отдаст Сергей Сергеевич. Да и сам информатор не пойдет на контакт. Одно дело – передавать сведения незаинтересованному лицу, не рискуя ничем, зная, что от этого никакого вреда для повстанцев не будет, и при этом стричь небольшие дивиденды. Совершенно другое дело – организовать выход на них. Здесь можно потерять не только доход, но и голову.

Уже прощаясь, Вадим вытащил удостоверение, полученное им от полковника Руэнтоса. При виде его Сергей Сергеевич расстроился. Оказалось, что эта карточка очень полезна и удобна в Сьерра-Марино. Обладатель ее получает практически индульгенцию на свои действия на территории государства. Он имеет право ношения и применения оружия, использования любых средств связи и транспорта. Все государственные и частные организации обязаны оказывать помощь хозяину удостоверения.

Единственное отличие документа – его цвет. У Викинга был синий фон. Это означало, что, в отличие от обладателей красных карточек, штатных работников департамента грозного полковника, он не мог без суда и следствия расстреливать террористов на месте преступления. Он с удовлетворением принял данную информацию к сведению. К такому комиссарскому мандату еще бы «наган»...

Вадим направлялся к себе в номер и на перекрестье аллей встретил Надежду Алексеевну. При виде его начальница сделала независимое лицо и попыталась гордо проследовать мимо. Сделать ей это не удалось. Вадим быстро догнал женщину.

– Надежда Алексеевна, как ваши успехи? Есть что-то новое?

– А вас это очень интересует?

– Ну, как же, ведь мы занимаемся одной работой.

– Дело-то, может быть, и одно, а вот конечные цели у нас, вероятно, разные.

– Надежда Алексеевна, извините, но я вас не очень понимаю, – изумился Вадим.

– А что здесь понимать? У каждого из нас свое руководство, и, следовательно, задачи поставлены разные. Мое мнение такое, что работать нам необходимо порознь, тем более вы это уже активно воплощаете в жизнь. Что еще хотите услышать от меня?

Вадима в принципе устраивал такой расклад, но была совершенно непонятна открытая неприязнь, звучащая в голосе собеседницы.

– Помилуй бог, о чем вы говорите? Какие конечные результаты? Какие задачи? Если можно, объясните, в чем дело?

– Я не собираюсь ничего объяснять. Мне незачем разыгрывать перед вами комедию. Если хотите, играйте ее сами.

Викинг прекрасно знал, что с женщинами, тем паче по вопросам взаимоотношений, спорить бесполезно. Им необходимо сначала дать выплеснуть свои эмоции, а уже потом пробовать решать что-то конструктивно. Он решил поменять тему разговора.

– Какие у нас планы на завтра?

– Какие планы у вас, не знаю, а я рано утром выезжаю на ранчо Хосе Диоса и буду работать с его родственниками.

Эти мероприятия несколько расходились с планами Вадима. Он решил подыграть Надежде Алексеевне.

– Мне вы разрешите не сопровождать вас в этой поездке? Есть некоторые данные, которые необходимо проверить. Кстати, я надеюсь, что вы едете не одна?

– Пожалуйста, я уже сказала, что вы можете заниматься чем угодно, только пока не мешать мне. – На слове «пока» Надежда Алексеевна сделала ударение. – А за заботу спасибо, сопровождающие нашлись. Со мной едет следователь из департамента и наш переводчик.

Она развернулась и пошла к гостинице, оставив Вадима в крайнем изумлении.

Вадим попытался найти вразумительное объяснение немилости, в которую неожиданно попал. Пусть он задавал несанкционированные вопросы Руэнтосу, но неужели каждый свой шаг необходимо согласовывать с ней? Абсурд... И эти совершенно непонятные слова о различных целях. Понятно, что конечные результаты по делу у нас действительно различаются, но она вряд ли об этом может догадываться.

На следующий день с утра Вадим посетил Национальный банк столицы. Процедура снятия денег много времени не заняла. Запрос по коду в цюрихский банк, подтверждение счета,

перевод через океан – и двадцать тысяч долларов легли в «дипломат», позаимствованный для этой цели у Сергея Сергеевича. Затем была прогулка на Центральный телеграф и звонок на Кипр. Механический сонный голос автоответчика пролопотал что-то по-гречески, а затем на родном русском произнес:

– Оставьте ваше сообщение после звукового сигнала.

Протяжный с переливами гудок, короткий, согласно инструкции, доклад:

– Викинг вариант номер один выполнил.

Для порядка он повторил эту фразу еще раз. Отбой. Короткие гудки.

В посольстве царила суматоха. С улицы все выглядело вполне пристойно, однако уже на проходной его попросили срочно позвонить в приемную посла и переговорить со вторым секретарем, то есть Сергеем Сергеевичем. Голос у того был одновременно растерянным и злым.

– Произошло нападение на автомобиль в тридцати километрах от столицы. Погибли следователь из департамента Руэнтоса и водитель. Посольский переводчик без сознания, в тяжелом состоянии. Надежда Алексеевна исчезла.

## Глава 5. Какие удивительные ночи

У подъезда резиденции посла стояли два огромных джипа с вооруженными людьми. На дверках Вадим увидел знакомый герб – перекрещенные мечи, окруженные пальмовыми ветвями. Такие гости в посольство зря не приезжают. Нападение на машину и похищение Надежды Алексеевны, похоже, подняли на ноги все силовые ведомства Сьерра-Марино. Вадим обратил внимание еще в городе, что на улицах появились патрули Национальной гвардии, но не придал этому факту значения. А оказалось, что все это напрямую относится к российской стороне и к нему лично.

Нападение на автомобиль с Надеждой Алексеевной и ее похищение, а по-другому эти действия охарактеризовать нельзя, Викинг принял как вызов. Начинала складываться пока не очень понятная, но уже реальная картинка. Слежка с первого дня прибытия их в Сьерра-Марино, интерес, проявленный целенаправленно к Надежде Алексеевне, а не к нему. То, что данные события связаны или не связаны с проведением расследования по делу Осколовых, можно оценивать пятьдесят на пятьдесят.

С одной стороны: зачем похитителям прибывший следователь, не очень крупная, пусть и официальная фигура? Выкуп – как-то несерьезно. Помешать расследованию? Но его уже проводит контора Руэнтоса. Принять во внимание фактуру Надежды Алексеевны и предположить, что какой-то местный падишах, очумевший от любви, решил заполучить ее в свой гарем? Выглядит смешно.

С другой стороны, если похищение связано с проводимым расследованием, личность Викинга почему-то оказалась абсолютно неинтересной для террористов, а ведь организовать нападение на него было проще простого. Он в одиночку за прошедшие два дня намотался по городу достаточно, и никто не проявил ни малейшего интереса к его персоне. Можно даже обидеться за такое невнимание.

Вариант, что похищение связано с предыдущей профессиональной деятельностью Надежды Алексеевны, довольно зыбкий. Какого рожна террористы или братва Сьерра-Марино полезет в разборки по российским криминальным делам? Они если и слышали про Россию, то не более чем на уровне балалайки и медведей на улицах Москвы.

Вариант гарема и выкупа можно оставить без комментариев, пока эти версии сами не вылезут наружу. Завязки по прокурорской деятельности надо постараться проверить. Пока есть только одна указательная стрелка – темно-синий «Мустанг» из конюшни Эрнандо Арриана. Вот с него и следует начинать. Придется лезть в пасть тигру или, может быть, крокодилу, если это ближе к местным тропическим условиям.

Не аллигаторов, но две разинутые хищные пасти Викингу пришлось увидеть намного раньше. Еще в приемной посла из-за резной деревянной двери он услышал громкие крики. Испуганная дама в старорежимном шиньоне, секретарь посла, оторопело сидела за столом, неестественно выпрямившись, словно она проглотила аршин. Испуганный же референт забился в угол огромного, как аэродром, дивана. Обстановка для них была явно непривычная.

Из тихой дипломатической обители доносились отрывки отнюдь не литературной лексикой на посконно-русском и не менее народном испанском, сермяжные языковые корни которого Вадиму были знакомы. По доносившимся фразам чувствовалось, что у высоких ступеней имеют глубокие познания в такого рода речи. Это было немудрено. Руэнтос прошел с юных лет казарму, а уважаемый оппонент – его превосходительство посол, до дипломатической карьеры, а еще раньше – партийной работы, начинал трудовую деятельность на Магнитке мастером цеха.

Глубоко вздохнув, словно прыгая в прорубь, Викинг открыл без разрешения находящегося в полубоморочном состоянии секретаря массивную дверь и окунулся в густую атмосферу

скандала. Злые и донельзя раскрасневшиеся лица посла и полковника Руэнтоса обратились на вошедшего. Чувствовалось, что высокие стороны приустиали в прениях и появление нового лица внесло свежую струю в их беседу. Тем более что это лицо хоть и косвенно, но относилось к конфликту.

Оба превосходительства выверились на Вадима и начали орать на него на двух языках, обвиняя во всех грехах и требуя объяснений. Вадим прекрасно знал основополагающий закон взаимоотношения с руководством: если начальник на тебя зол, дай ему проораться и лишь после этого переходи к делу. Было, правда, еще одно достойное продолжение этого закона: если начальник слишком долго кричит и тебе это надоело, начинай катить на него бочку сам.

Вадим так и поступил. Минуты две он стоял по стойке смирно и выслушивал беспредметную ругань в свой адрес. Потом набрал в легкие воздух и начал орать на присутствующих сам, причем попеременно на двух языках. Эффект был потрясающий. Оба номенклатурных работника уже забыли, когда на них повышали голос. Они застыли в изумлении, точно как экзальтированная дама за дверью в приемной. Сергей Сергеевич, сидевший в углу в кресле, прикрыл лицо рукой и затрясся в беззвучном смехе. Закончив испано-российский монолог, Вадим уже спокойно обратился к присутствующим:

– Я думаю, сеньоры, ругаться мы все умеем, но конкретные вопросы этим не решим.

– Вы что себе позволяете? – первым опомнился посл. – Как вы разговариваете с руководством? Я вас в двадцать четыре часа в Союз отправлю!

По старой привычке он перепутал Россию с СССР. Потом еще вспомнил, что к тому же не является начальником Вадима, и удрученно замолчал.

Руэнтос, набычившись, сжал кулаки и с шумом втянул в себя воздух, готовый взорваться. Чувствовалось, что если он сорвется, то начнется маленькая, но кровопролитная война. Викинг на всякий случай перенес тяжесть тела на правую ногу, чтобы среагировать на открытие боевых действий. Однако полковник неожиданно для всех громко и раскатисто захохотал. Отсмеявшись, уже спокойным тоном, обращаясь к послу, Руэнтос сказал:

– А ведь он прав. Чего мы кусаем друг друга? Никто из нас не виноват в случившемся. Пора за дело приниматься, а не обвинять парня в чужих грехах. У кого есть какие мысли и предложения?

Такой подход, судя по реакции присутствующих, устраивал всех. Для начала Вадим попросил подробно рассказать о нападении.

События произошли примерно в половине десятого утра. Автомобиль из департамента забрал в посольстве Надежду Алексеевну и переводчика и направился в горное селение Антариба, откуда был родом Хосе Диос и где на небольшом ранчо и сейчас жила его семья. До встречи с Хервасио Аррианом он содержал небольшую плантацию табака. Жил совсем не богато, и основной причиной ухода к герильерос было желание если не разбогатеть, то хоть как-то уйти от нужды.

Социальными идеями Диос никогда не увлекался. Природный ум и умение работать быстро вывели его в число близких к Хервасио людей. Тот же источник доложил, что Хосе довольно часто появлялся у себя на ранчо, навещая семью.

Группа, состоящая из сотрудника департамента Руэнтоса, переводчика, Надежды Алексеевны и водителя, около девяти часов утра выехала в Антариба. В десять часов сначала в районное полицейское управление, а оттуда в департамент поступил сигнал о перестрелке на горной дороге. Оперативная группа прибыла на место происшествия около одиннадцати часов. Была обнаружена машина с множеством пулевых пробоин, трупы сотрудника департамента и водителя, а также российский переводчик в бессознательном состоянии.

Несмотря на то что все происходило недалеко от оживленной автострады – автомобиль свернул с нее и проехал буквально пару километров, свидетелей произошедшего нет. Первичный осмотр места трагедии показал, что налетчики двумя машинами, судя по протекторам,

джипами, блокировали автомобиль и расстреляли находившихся там людей. Сопротивление могли оказать только сотрудники полковника, но осмотр магазинов их пистолетов указал, что оружие они не успели вынуть из кобур. Характер и расположение пулевых пробоев показывали, что все выстрелы нападавших были направлены в переднюю часть машины, то есть на водителя и сидевшего рядом с ним оперативника.

У переводчика огнестрельных ранений нет. Нанесены сильные удары в область головы и шеи. Сейчас парень находится в госпитале Святого Августина, где еще не приходил в сознание. Надежда Алексеевна исчезла.

В одиннадцать часов был дан сигнал перекрыть дороги и усилить патрулирование в районах, прилегающих к месту происшествия, и в столице. Положительных результатов эта акция не принесла.

Руэнтос закончил свою информацию и внимательно посмотрел на присутствующих.

– Какие будут мнения о произошедшем?

Все сидели и молчали. Сергей Сергеевич первый подал голос:

– Мне кажется, что российская сторона никакой версии предложить не может. Вы более информированы о криминальной жизни в Сьерра-Марино. Посольство готово оказать помощь необходимыми сведениями о жертвах происшествия.

Полковник Руэнтос встал.

– Я примерно так и думал. О ходе расследования случившегося мы вас проинформируем, – холодно сказал он и обратился к Вадиму: – Мне хотелось бы побеседовать с вами отдельно. Надеюсь, господин посол не будет против? Я приношу извинения за свой несколько эмоциональный разговор, но, как мне показалось, темперамент российских дипломатов не намного уступает в горячности латиноамериканскому.

Посол кивнул, принимая извинения, и стороны, несколько минут назад поливавшие друг друга, как только могли, вежливо и почти дружелюбно попрощались, крепко пожав руки. Викинг вышел из кабинета следом за грозным полковником. В приемной царил все та же обстановка всеобщей оцепенелости. Референт проводил испуганным взглядом вышедшую пару и, тихонько постучав, юркнул в кабинет посла.

Отдельного помещения у Вадима не было, и они уединились в его номере. Полковник уже совсем неофициальным тоном сказал:

– Дипломатия закончилась. Теперь я хочу услышать от тебя более конкретно, что ты скажешь по поводу этого нападения.

Викинг, не раздумывая, откровенно выдал, что у него только один вариант – надо прокачивать Эрнандо Арриана. Руэнтос вскочил со стула и начал нервно ходить по номеру.

– Я не могу без явных и весомых улик начинать какие-либо действия в отношении Эрнандо. Он слишком серьезная фигура в экономике и политике Сьерра-Марино. Если я к нему сейчас сунусь, то завтра уже буду стоять на ковре у Президента, и хорошо, если при этом погоны не слетят с моих плеч. Кстати, можешь смеяться, у меня также, кроме этой версии, ничего нет. Что будем делать?

Викинг решил идти ва-банк. В конце концов, он ничего не терял. Если действовать нелегально, как он и предполагал, то Руэнтос по долгу службы мог пресечь это. Но если они найдут общий язык, то Вадим обретет могущественного друга.

– Я самостоятельно начинаю разрабатывать эту версию, – твердо сказал Викинг. – Альтернативы нет. Как понимаю, мне нужно рассчитывать только на свои силы. Но заинтересованы в этом мы оба, и от вас сегодня может понадобиться информация.

– Техническое обеспечение, транспорт, оружие. С этим как?

– Я уже нашел канал снабжения.

– Домингос? – Руэнтос раздраженно дернул плечами.

Викинг с удивлением взглянул на полковника. Оказывается, мулат из Галереи современного искусства был хорошо ему знаком. Ничего не оставалось, как подтвердить предположения Руэнтоса.

- Надеюсь, у него не будет неприятностей?
- Пока нет. Со временем я его все равно достану!
- Что будет потом, меня не очень волнует.
- Когда планируется акция и какая подстраховка необходима с моей стороны?

Это был достойный разговор двух профессионалов, с полуслова понимающих друг друга. Они обговорили способы и каналы связи и информации. Времени до старта оставалось ничтожно мало, а Викингу необходимо было еще многое успеть.

Первым пунктом был звонок Деду. Спецсвязь посольства через две минуты вышла на телефон Олега Петровича. Он, как всегда, был краток.

- Как твои дела?
- Появились непредвиденные осложнения.
- Непосредственно по твоей работе?
- Конкретно нет, но я обязан вмешаться.

Вадим обрисовал ситуацию с нападением на автомобиль и изложил Деду просьбу о проверке последних уголовных дел, которые вела Ломейко. Надежд на интересную информацию было мало, но чем черт не шутит, может, что-то и вылезет. Дед хмыкнул в телефон и задумался. Вадим знал характер Олега Петровича и его повадки. Если он так хмыкал, значит, дело сложное, но выполнить его возможно. Молчание длилось недолго.

- Ладно, попробую. Тебе когда это нужно?
- Вообще-то еще вчера, но до вечера потерплю.
- Сделаем. Контакт с Галереей уже был?

– Да. Все нормально. На поставщика вышел. Предварительно переговорили. Сейчас созвонюсь и сделаю заказ. Работать начну сегодня. Жаль, что теряю время на постороннее дело, но вынужден это сделать.

– Хорошо. Информацию по прокурорским делам получишь часов в восемнадцать сегодня через шифропочту. Что-то не очень хочется мне, чтобы ты влезал в эту кухню.

Голос Деда неожиданно громко загремел в телефоне, и Вадим на всякий случай отставил трубку подальше от уха.

– Смотри у меня... Я так и знал, что ты, разгильдяй, обязательно ввяжешься в какие-нибудь разборки и начнешь бандитствовать. Все должно быть нормально. Ты меня понял?

Вадим поднес микрофон к своим каблукам и по-уставному щелкнул ими, чтобы услышал Олег Петрович, а потом громко прокричал в телефон:

- Так точно!

В ответ Викинг услышал только глухие гудки. Так, одно дело двинулось. Следующий телефонный звонок пришлось сделать из телефона-автомата рядом с посольством.

Вадим прошел три квартала и остановился рядом с фонтаном. Смуглые ребятишки плескались под струями, омывающими бело-розовые мраморные плиты. Над ними на мощном постаменте высилась скульптура Нептуна, смахивающего добрым лицом на Хемингуэя, только с более длинной бородой. Русалки, лежащие у ног грозного царя морей и океанов, по фактуре и колориту напоминали пышными рубенсовскими формами местных красавиц. Чувствовалось, что вдохновение автора зиждется на незыблемом принципе: девяносто процентов мужчин любят полных женщин и только десять процентов – очень полных.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.